

Виктор
Драгунский

БОЛЬШАЯ КНИГА

рассказов
и
повестей

«МАСТИШ»

Виктор Юзефович Драгунский
Большая книга
рассказов и повестей
Серия «Сокровища
детской литературы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35198178

Большая книга рассказов и повестей / Виктор Драгунский: АСТ;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-108219-2

Аннотация

В «Большую книгу рассказов и повестей» входят не только знаменитые «Денискины рассказы», но и менее известные произведения Виктора Драгунского, предназначенные взрослому читателю: рассказ «Великая сила искусства», по которому был поставлен фильм с Аркадием Райкиным в главной роли, и две повести – военная «Он упал на траву» и цирковая – «Сегодня и ежедневно».

Для младшего школьного возраста.

Содержание

О Викторе Юзефовиче Драгунском	6
Про папу моего	9
Рассказы	13
Денискины рассказы	13
«Он живой и светится...»	13
Надо иметь чувство юмора	17
Слава Ивана Козловского	22
Одна капля убивает лошадь	27
Красный шарик в синем небе	30
Кот в сапогах	36
Сражение у Чистой речки	42
Друг детства	47
Дымка и Антон	51
Ничего изменить нельзя	53
Заколдованная буква	58
Синий кинжал	61
Мотогонки по отвесной стене	64
Третье место в стиле баттерфляй	70
Сверху вниз, наискосок!	72
Не пиф, не паф!	77
Англичанин Павля	82
Смерть шпиона Гадюкина	85
Старый мореход	95

Запах неба и махорочки	103
Двадцать лет под кроватью	113
Девочка на шаре	121
Расскажите мне про Сингапур	132
Что я люблю	140
...И чего не люблю!	142
Что любит Мишка	144
Тайное становится явным	149
Профессор кислых щей	153
Главные реки	158
Шляпа гроссмейстера	164
Конец ознакомительного фрагмента.	169

**Виктор Юзефович
Драгунский
Большая книга
рассказов и повестей**

© Драгунский В.Ю., насл., 2018

© Ил., Смирнова О.В., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

О Викторе Юзефовиче Драгунском

Виктор Драгунский родился очень давно и очень далеко, в другой части света. Детство его прошло в Гомеле, небольшом зеленом городе, что находится в Белоруссии. Он рано лишился отца, но не чувствовал себя сиротой, потому что его отчим, красный командир, любил его. Он часто сажал мальчика на своего коня и давал подержать саблю. В конце гражданской войны отчим погиб. Мама Виктора работала, и поэтому он проводил время в компании таких же сорванцов, как и он сам. Играли они в своих небольших дворах, бегали купаться на реку Сож... Виктор всегда был заводилой во всех играх. По вечерам друзья пробирались в парк князя Паскевича (конечно, без билетов). Там шли представления: артисты пели куплеты, танцевали тогда модный танец стэп, а попросту – чечетку. Виктор выучивал куплеты, научился танцевать чечетку и устраивал свои представления, на которые собиралась вся улица. Тогда уже начали проявляться его актерские способности. Виктор Драгунский прожил интересную и разнообразную жизнь. В юности он учился на токаря, потом работал шорником на фабрике «Спорттуризм» у братьев Старостиных, ставших впоследствии знаменитыми на весь мир футболистами. При фабрике был манеж, и можно было обучаться конному спорту, а лошадей он любил с самого детства. В семнадцать лет Виктор выдержал экзамен

в актерскую школу, которая называлась «Литературно-театральные мастерские», под руководством замечательного актера и режиссера Алексея Дикого.

В этой школе большое внимание уделяли не только преподаванию актерского мастерства, но и глубокому изучению литературы. Окончив школу, Виктор Драгунский стал хорошим театральным актером. После смотра молодых талантов московских театров он был приглашен в Театр сатиры. Во время войны Драгунский был в ополчении, после ее окончания он продолжил работу в Театре сатиры. А потом, к удивлению всех друзей, ушел в цирк – работать Рыжим клоуном. Позже он создал маленький театр под названием «Синяя птичка». Это был театр пародий, в которых актеры высмеивали всякую халтуру в искусстве – будь то театр, кино, литература, живопись, музыка... Игнали там артисты увлеченно, и публика восторженно принимала все спектакли. Но театр вскоре закрыли, так как в те мрачные времена не над всем разрешалось смеяться. Драгунский выступал также и на московской эстраде. В зимние каникулы он любил «работать» Дедом Морозом. Виктор Драгунский был добрым, веселым и остроумным человеком, он очень любил маленьких детей, и общение с ними доставляло ему огромное удовольствие. Только в сорок лет он начал писать. И это были рассказы для детей. Героем его произведений стал младший сын Дениска. Вскоре начали выходить книжки с рассказами о его приключениях. (Были написаны и рассказы, посвящен-

ные дочери Ксении. – *Прим. ред.*) Они пользовались большим успехом у нашей детворы.

Виктор Драгунский часто выступал по радио со своими рассказами, нередко бывал в гостях в детских домах, интернатах, школах, библиотеках. Он замечательно читал свои веселые произведения – ведь в недалеком прошлом он был актером. Драгунский часто получал письма от юных читателей и всегда старался ответить на них. Каждое свое послание он заканчивал девизом: «ДРУЖБА! ВЕРНОСТЬ! ЧЕСТЬ!»

Виктора Драгунского нет с нами уже много лет, но книжки его продолжают выходить.

Уже не одно поколение прочитало «Денискины рассказы», и еще не одно познакомится с ними. Поэт Яков Аким, близкий друг Виктора, однажды сказал: «Юному человеку нужны все витамины, в том числе все нравственные витамины. Витамины доброты, благородства, честности, порядочности, мужества. Все эти витамины дарил нашим детям щедро и талантливо Виктор Драгунский».

Алла Драгунская

Про папу моего

Когда я была маленькая, у меня был папа.

Виктор Драгунский. Знаменитый детский писатель. Только мне никто не верил, что он мой папа. А я кричала: «Это мой папа, папа, папа!!!» И начинала драться. Все думали, что он мой дедушка. Потому что он был уже совсем не очень молодой. Я – поздний ребенок.

Младшая. У меня есть два старших брата – Леня и Денис. Они умные, ученые и довольно лысые. Зато всяких историй про папу знают гораздо больше, чем я. Но раз уж не они стали детскими писателями, а я, то написать чего-нибудь про папу обычно просят меня.

Мой папа родился давным-давно. В 2013 году, первого декабря, ему исполнилось сто лет. И не где-нибудь там он родился, а в Нью-Йорке. Это вот как вышло – его мама и папа были очень молодые, поженились и уехали из белорусского города Гомеля в Америку, за счастьем и богатством. Про счастье – не знаю, но с богатством у них совсем не сложилось.

Питались они исключительно бананами, а в доме, где они жили, бегали здоровенные крысы. И они вернулись обратно в Гомель, а через некоторое время переселились в Москву, на Покровку. Там мой папа плохо учился в школе, зато любил читать книжки. Потом он работал на заводе, учился на

актера и работал в Театре сатиры, а еще – клоуном в цирке и носил рыжий парик. Наверное, поэтому у меня волосы – рыжие. И в детстве я тоже хотела стать клоуном.

Дорогие читатели!!! Меня часто спрашивают, какживает мой папа, и просят, чтобы я его попросила еще что-нибудь написать – побольше и посмешней. Не хочется вас огорчать, но папа мой давно умер, когда мне было всего шесть лет, то есть, сорок с лишним лет назад, получается. Поэтому я помню совсем мало случаев про него.

Один случай такой. Папа мой очень любил собак. Он все время мечтал завести собаку, только мама ему не разрешала, но наконец, когда мне было лет пять с половиной, в нашем доме появился щенок спаниеля по имени Тото. Такой чудесный. Ушастый, пятнистый и с толстыми лапами. Его надо было кормить шесть раз в день, как грудного ребенка, отчего мама немножко злилась... И вот однажды мы с папой приходим откуда-то или просто сидим дома одни, и есть что-то хочется. Идем мы на кухню и находим кастрюльку с манной кашей, да с такой вкусной, (я вообще терпеть не могу манную кашу), что тут же ее съедаем. А потом выясняется, что это Тотошина каша, которую мама специально заранее сварила, чтобы ему смешать с какими-то витаминами, как положено щенкам. Мама обиделась, конечно.

Безобразие – детский писатель, взрослый человек, и съел щенячью кашу.

Говорят, что в молодости мой папа был ужасно веселый,

все время что-нибудь придумывал, вокруг него всегда были самые клевые и остроумные люди Москвы, и дома у нас всегда было шумно, весело, хохот, праздник, застолье и сплошные знаменитости. Этого я, к сожалению, уже не помню – когда я родилась и немножко подросла, папа сильно болел гипертонией, высоким давлением, и в доме нельзя было шуметь. Мои подружки, которые теперь уже совсем взрослые тетьки, до сих пор помнят, что у меня надо было ходить на цыпочках, чтобы не беспокоить моего папу.

Даже меня к нему как-то не очень пускали, чтобы я его не тревожила. Но я все равно проникала к нему, и мы играли – я была лягушонком, а папа – уважаемым и добрым львом.

Еще мы с папой ходили есть бублики на улицу Чехова, там была такая булочная, с бубликами и молочным коктейлем. Еще мы были в цирке на Цветном бульваре, сидели совсем близко, и когда клоун Юрий Никулин увидел моего папу (а они вместе работали в цирке перед войной), он очень обрадовался, взял у шпрыхштальмейстера микрофон и специально для нас спел «Песню про зайцев».

Еще мой папа собирал колокольчики, у нас дома целая коллекция, и теперь я продолжаю ее пополнять.

Если читаешь «Денискины рассказы» внимательно, то понимаешь, какие они грустные.

Не все, конечно, но некоторые – просто очень. Я не буду сейчас называть, какие. Вы сами перечитайте и почувствуйте. А потом – сверим. Вот некоторые удивляются, мол, как

же это удалось взрослому человеку проникнуть в душу ребенка, говорить от его лица, прямо как будто самим ребенком и рассказано?... А очень просто – папа так всю жизнь и оставался маленьким мальчиком. Точно! Человек вообще не успевает повзрослеть – жизнь слишком короткая. Человек успевает только научиться есть, не пачкаясь, ходить, не падая, что-то там делать, курить, врать, стрелять из автомата, или наоборот – лечить, учить... Все люди – дети. Ну, в крайнем случае – почти все. Только они об этом не знают.

Помню про папу я, конечно, не много. Зато умею сочинять всякие истории – смешные, странные и грустные. Это у меня от него.

А мой сын Тема очень похож на моего папу.

Ну, вылитый! В доме в Каретном Ряду, где мы живем в Москве, живут пожилые эстрадные артисты, которые помнят моего папу молодым. И они Тему так и называют – «Драгунское отродье». И мы вместе с Темой любим собак. У нас на даче полно собак, а те, которые не наши, просто так приходят к нам пообедать. Однажды пришла какая-то полосатая собака, мы ее угостили тортом, и ей так понравилось, что она ела и от радости гавкала с набитым ртом.

Вот...

Ксения Драгунская

Рассказы

Денискины рассказы

«Он живой и светится...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорбво!

И я сказал:

– Здорбво!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все не шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лег на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.

– Ты открой ее, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка, и в то

же время я сам держал ее сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шепотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? На всегда бери, насовсем! А мне отдай эту звездочку, я ее до-мой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Надо иметь чувство юмора

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуру, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

– Написал?

Я говорю:

– Уже.

– Ты мою тетрадку проверь, – говорит Мишка, – а я – твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

– Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

– Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

– А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие – «мозы»?

Мишка покраснел:

– Мозы – это, наверно, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

– Да, – сказал я, – не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, надо переписывать. Это все лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

– Давай задачи задавать!

– Давай, – сказал Мишка.

В это время пришел папа. Он сказал:

– Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

– Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

– Сдаешься, Мишка?

Мишка сказал:

– Сдаюсь!

Я сказал:

– Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. – И стал хохотать: – Это меня тетя Мила научила!..

Мишка надулся еще больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

– А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

– Давай задавай, – сказал я.

Папа походил по комнате.

– Ну слушай, – сказал папа. – Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встает в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встает мама.

Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, деленные на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько потягивается плюс умывается минус мамино вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Все!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во все горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

– Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы еще этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И еще я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдется, там люди

нужны, особенно молодежь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

– Ах ты, вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счет?

Он поднял пальто и повесил на место и сказал дальше:

– Я это все выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки.

Потом еще раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

– Надо иметь чувство юмора, – сказал он мне, и глаза у

него стали веселые-веселые. – А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

Слава Ивана Козловского

У меня в табеле одни пятерки. Только по чистописанию четверка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы все равно соскакивают. Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть – настоящая пятерочная страница. Утром показал ее Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера ее не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятерки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле березонька стояла». Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич все время морщился и кричал: – Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

– Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займемся с

каждым индивидуально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошел к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пицал Мишка! Так пицит наш котенок Мурзик. Разве ж так поют! Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятерку и поглядел на меня.

Он сказал:

– Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

– Ну-с, что вы будете исполнять? – вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

– Песня гражданской войны «Веди ж, Буденный, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил:

– Играйте, пожалуйста, погромче! – сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

– Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

– Будет. Еще как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном

Вьется алый стяг...

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьется алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,

Где виден враг!

И в битве упоительной...

Я хорошо пел, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиною стремительной! Мы мчимся вперед!..

Ура!..

Красные всегда побеждают! Отступайте, враги!

Даешь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло еще громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

– Ну как?

– Чудовищно! – похвалил Борис Сергеевич.

– Хорошая песня, правда? – спросил я.

– Хорошая, – сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

– Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, – сказал я, – можно бы еще погромче.

– Ладно, я учту, – сказал Борис Сергеевич. – А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому!

– Нет, – сказал я, – я этого не заметил! Да это и не важно. Просто надо было погромче играть.

– Ну что ж, – сказал Борис Сергеевич, – раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как – тройку? Я даже опешил. Как же это может быть? Тройку – это очень мало! Мишка тихо пел и то получил пя-

терку... Я сказал:

– Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я еще громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю еще одну песню. Когда я ее дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

– Это какая же? – спросил Борис Сергеевич.

– Жалостливая, – сказал я и завел:

Я вас любил...

Любовь еще, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

– Ну хорошо, хорошо, все это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошел Борис Сергеевич.

– Ну, – сказал он, улыбаясь, – возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или какой-нибудь боксер, но в одном могу заверить вас абсолютно твердо: славы Ивана Козловского он не добьется. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

– Ну, это мы еще увидим!

А когда мы шли домой, я все думал:

«Неужели Козловский поет громче меня?»»

Одна капля убивает лошадь

Когда папа заболел, пришел доктор и сказал:

– Ничего особенного, маленькая простуда. Но я вам советую бросить курить, у вас в сердце легкий шумок.

И когда он ушел, мама сказала:

– Как это все-таки глупо – доводить себя до болезней этими проклятыми папиросами. Ты еще такой молодой, а вот уже в сердце у тебя шумы и хрипы.

– Ну, – сказал папа, – ты преувеличиваешь! У меня нет никаких особенных шумов, а тем более хрипов. Есть всего-навсего один маленький шумишко. Это не в счет.

– Нет – в счет! – воскликнула мама. – Тебе, конечно, нужен не шумишко, тебя бы больше устроили скрип, лягг и скрежет, я тебя знаю...

– Во всяком случае, мне не нужен звук пилы, – перебил ее папа.

– Я тебя не пилю, – мама даже покраснела, – но пойми ты, это действительно вредно. Ведь ты же знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь!

Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня

или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно. Я очень испугался. Я никак не хотел, чтобы его убивала такая капля яда. Не хотел я этого никак и ни за что. От этих мыслей я долго не мог заснуть, так долго, что не заметил, как все-таки заснул.

А в субботу папа выздоровел, и к нам пришли гости. Пришел дядя Юра с тетей Катей, Борис Михайлович и тетя Тамара. Все пришли и стали вести себя очень прилично, а тетя Тамара как только вошла, так вся завертелась, и затрещала, и уселась пить чай рядом с папой. За столом она стала окружать папу заботой и вниманием, спрашивала, удобно ли ему сидеть, не дует ли из окна, и в конце концов до того наоколожилась и назаботилась, что всыпала ему в чай три ложки сахара. Папа размешал сахар, хлебнул и сморщился.

– Я уже один раз положила сахар в этот стакан, – сказала мама, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник.

А тетя Тамара расхохоталась во все горло. Она хохотала, как будто кто-то под столом кусал ее за пятки. А папа отодвинул переслащенный чай в сторону. Тогда тетя Тамара вынула из сумочки тоненький портсигарчик и подарила его папе.

– Это вам в утешение за испорченный чай, – сказала она. – Каждый раз, закуривая папироску, вы будете вспоминать эту смешную историю и ее виновницу.

Я ужасно разозлился на нее за это. Зачем она напоминает

папе про курение, раз он за время болезни уже почти совсем отвык? Ведь одна капля курильного яда убивает лошадь, а она напоминает. Я сказал:

«Вы дура, тетя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще вон из моего дома. Чтобы ноги вашей толстой больше здесь не было».

Я сказал это про себя, в мыслях, так, что никто ничего не понял.

А папа взял портсигарчик и повертел его в руках.

– Спасибо, Тамара Сергеевна, – сказал папа, – я очень тронут. Но сюда не войдет ни одна моя папироска, портсигар такой маленький, а я курю «Казбек». Впрочем...

Тут папа взглянул на меня.

– Ну-ка, Денис, – сказал он, – вместо того чтобы выдувать третий стакан чаю на ночь, пойди-ка к письменному столу, возьми там коробку «Казбека» и укороти папироски, обрежь так, чтобы они влезли в портсигар. Ножницы в среднем ящике!

Я пошел к столу, нашел папиросы и ножницы, примерил портсигар и сделал все, как он велел. А потом отнес полный портсигарчик папе. Папа открыл портсигарчик, посмотрел на мою работу, потом на меня и весело рассмеялся:

– Полюбуйтесь-ка, что сделал мой сообразительный сын!

Тут все гости стали наперебой выхватывать друг у друга портсигарчик и оглушительно хохотать. Особенно старалась, конечно, тетя Тамара. Когда она перестала смеяться, она со-

гнула руку и костяшками пальцев постучала по моей голове:

– Как же это ты догадался оставить целыми картонные мундштуки, а почти весь табак отрезать? Ведь курят-то именно табак, а ты его отрезал! Да что у тебя в голове – песок или опилки?

Я сказал:

«Это у тебя в голове опилки, Тамарище Семипудовое».

Сказал, конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня мама заругала. Она и так смотрела на меня что-то уж чересчур пристально.

– Ну-ка, иди сюда, – мама взяла меня за подбородок, – посмотри-ка мне в глаза!

Я стал смотреть в мамины глаза и почувствовал, что у меня щеки стали красные, как флаги.

– Ты это сделал нарочно? – спросила мама.

Я не мог ее обмануть.

– Да, – сказал я, – я это сделал нарочно.

– Тогда выйди из комнаты, – сказал папа, – а то у меня руки чешутся.

Видно, папа ничего не понял. Но я не стал ему объяснять и вышел из комнаты.

Шутка ли – одна капля убивает лошадь!

Красный шарик в синем небе

Вдруг наша дверь распахнулась, и Аленка закричала из

коридора:

– В большом магазине весенний базар!

Она ужасно громко кричала, и глаза у нее были круглые, как кнопки, и отчаянные. Я сначала подумал, что кого-нибудь зарезали. А она снова набрала воздух и давай:

– Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!

Кричит, как будто случился пожар. И я от этого тоже как-то заволновался, и у меня стало щекотно под ложечкой, и я заторопился и выскочил из комнаты.

Мы взялись с Аленкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин. Там была целая толпа народу и в самой середине стояли сделанные из чего-то блестящего мужчины и женщины, огромные, под потолок, и, хотя они были ненастоящие, они хлопали глазами и шевелили нижними губами, как будто говорят. Мужчина кричал:

– Весенний базарrrr! Весенний базарrrr!

А женщина:

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Мы долго на них смотрели, а потом Аленка говорит:

– Как же они кричат? Ведь они ненастоящие!

– Просто непонятно, – сказал я.

Тогда Аленка сказала:

– А я знаю. Это не они кричат! Это у них в середине живые артисты сидят и кричат себе целый день. А сами за веревочку дергают, и у кукол от этого шевелятся губы.

Я прямо расхохотался:

– Вот и видно, что ты еще маленькая. Станут тебе артисты в животе у кукол сидеть целый день. Представляешь? Целый день скрючившись – устанешь небось! А есть, пить надо? И еще разное, мало ли что... Эх ты, темнота! Это радио в них кричит.

Аленка сказала:

– Ну и не задавайся!

И мы пошли дальше. Всюду было очень много народу, все разодетые и веселые, и музыка играла, и один дядька крутил лотерею и кричал:

Подходите сюда поскорее,
Здесь билеты вещевой лотереи!
Каждому выиграть недолго
Легковую автомашину «Волга»!
А некоторые сгоряча
Выигрывают «Москвича»!

И мы возле него тоже посмеялись, как он бойко выкрикивает, и Аленка сказала:

– Все-таки когда живое кричит, то интересней, чем радио.

И мы долго бегали в толпе между взрослых и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Аленку под мышки, а его товарищ нажал кнопочку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколон, и когда Аленку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

– Ну что за красотулечка, сил моих нет!

Но Аленка от них убежала, а я – за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были деньги на завтрак, и мы поэтому с Аленкой выпили по две большие кружки, и у Аленки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня все время шибало в нос и колело в носу иголочками. Здорово, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и выбежали на улицу. Там было еще веселей, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарики.

Аленка, как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

– Ой! Я хочу шарик!

А я сказал:

– Хорошо бы, да денег нету.

А Аленка:

– У меня есть одна денежка.

– Покажи.

Она достала из кармана.

Я сказал:

– Ого! Десять копеек. Тетенька, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

– Вам какой? Красный, синий, голубой?

Аленка взяла красный. И мы пошли. И вдруг Аленка говорит:

– Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку. Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик тоненько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

Аленка за голову схватилась:

– Ой, зачем, держи!..

И стала подпрыгивать, как будто могла допрыгнуть до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

– Зачем ты его упустил?...

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх на шарик. Он летел кверху плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, задрав голову, и смотрел, и Аленка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы – посмотреть, как летит шарик, а он все летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большущего дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он еще выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он залетел за облачко, оно было пуши-

стое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был около Луны, а мы все смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Аленка вздохнула еле слышно, и все пошли по своим делам.

И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и веселые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик. И еще я думал, как жалко, что я не могу это все рассказать Аленке. Я не сумею словами, и если бы сумел, все равно Аленке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идет рядом со мной, и вся такая притихшая, и слезы еще не совсем просохли у нее на щеках. Ей небось жаль свой шарик.

И мы шли так с Аленкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Аленка сказала:

– Если бы у меня были деньги, я бы купила еще один шарик... чтобы ты его выпустил.

Кот в сапогах

– Мальчики и девочки! – сказала Раиса Ивановна. – Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. – И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

– Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вел себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шел снег, и все время я думал, когда же мама вернется. Я зачеркивал клеточки на своем календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

– Идешь ты или нет?

Я спрашиваю:

– Куда?

Мишка кричит:

– Как – куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут

в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

– У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

– Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

– Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы – это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь – первое дело бахилы. Нипочем ноги не промочишь.

Мишка говорит:

– А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

– А шапку какую?

Я говорю:

– Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

– Давай ее скорей!

Достал я шляпу, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но все-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

– Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

– Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

– Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

– Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

– Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я – «Кот в сапогах»! Только жалко, хвоста нет! Я спрашиваю:

– Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

– Разве я очень похожа на черта?

– Нет, не очень, – говорю я. – Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

– Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с черными пятнами.

– Вот, – говорит, – это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдет.

Я сказал «большое спасибо» и понес хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

– Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколел меня!

Я закричал:

– Потихе ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьешь прямо по живому? Ведь колешь же!

– Это я немножко не рассчитал! – И опять как кольнет!

– Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

– Я в первый раз в жизни шью!

И опять – коль!..

Я прямо заорал:

– Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

– Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны – длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И еще было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но все время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

– Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошел на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Степу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошел со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Конечно, гномов много, а ты один!

– Да, – сказал я, – но все гномы были так себе, а ты был очень смешной, и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

– Не надо, что ты!

Я спросил:

– Ты какую хочешь?

– «Дядю Степу».

И я дал ему «Дядю Степу».

А дома я скинул свои огромные бахилы, и побежал к календарю, и зачеркнул сегодняшнюю клеточку. А потом зачеркнул уж и завтрашнюю.

Посмотрел – а до маминого приезда осталось три дня!

Сражение у Чистой речки

У всех мальчишек 1-го класса «В» были пистолеты.

Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень нравилось, но так было недолго. А все из-за кино...

Однажды Раиса Ивановна сказала:

– Завтра, ребята, воскресенье. И у нас с вами будет праздник. Завтра наш класс, и первый «А», и первый «Б», все три класса вместе, пойдут в кино «Художественный» смотреть кинокартину «Алые звезды». Это очень интересная картина о борьбе за наше правое дело... Приносите завтра с собой по десять копеек. Сбор возле школы в десять часов!

Я вечером все это рассказал маме, и мама положила мне в левый карман десять копеек на билет и в правый несколько монеток на воду с сиропом. И она отгладила мне чистый воротничок. Я рано лег спать, чтобы поскорее наступило зав-

тра, а когда проснулся, мама еще спала. Тогда я стал одеваться. Мама открыла глаза и сказала:

– Спи, еще ночь!

А какая ночь – светло как днем!

Я сказал:

– Как бы не опоздать!

Но мама прошептала:

– Шесть часов. Не буди ты отца, спи, пожалуйста!

Я снова лег и лежал долго-долго, уже птички запели, и дворники стали подметать, и за окном загудела машина. Уж теперь-то наверняка нужно было вставать. И я снова стал одеваться. Мама зашевелилась и подняла голову:

– Ну чего ты, беспокойная душа?

Я сказал:

– Опоздаем ведь! Который час?

– Пять минут седьмого, – сказала мама, – ты спи, не беспокойся, я тебя разбужу, когда надо.

И верно, она потом меня разбудила, и я оделся, умылся, поел и пошел к школе. Мы с Мишей стали в пару, и скоро все с Раисой Ивановной впереди и с Еленой Степановной позади пошли в кино.

Там наш класс занял лучшие места в первом ряду, потом в зале стало темнеть и началась картина. И мы увидели, как в широкой степи, недалеко от леса, сидели красные солдаты, как они пели песни и танцевали под гармонию. Один солдат спал на солнышке, и недалеко от него паслись красивые ко-

ни, они щипали своими мягкими губами траву, ромашки и колокольчики. И веял легкий ветерок, и бежала чистая речка, а бородатый солдат у маленького костерка рассказывал сказку про Жар-птицу.

И в это время, откуда ни возьмись, появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было гораздо больше...

И красный пулеметчик стал отстреливаться, но он увидел, что у него очень мало патронов, и заскрипел зубами, и заплакал.

Тут все наши ребята страшно зашумели, затопали и зашвистели, кто в два пальца, а кто просто так. А у меня прямо защемило сердце, я не выдержал, выхватил свой пистолет и закричал что было сил:

– Первый класс «В»! Огонь!!!

И мы стали палить изо всех пистолетов сразу. Мы хотели во что бы то ни стало помочь красным. Я все время палил в одного толстого фашиста, он все бежал впереди, весь в черных крестах и разных эполетах; я истратил на него, наверно, сто патронов, но он даже не посмотрел в мою сторону.

А пальба кругом стояла невыносимая. Валька бил с локтя, Андрюшка – короткими очередями, а Мишка, наверное, был снайпером, потому что после каждого выстрела он кричал:

– Готов!

Но белые все-таки не обращали на нас внимания, а все лезли вперед. Тогда я оглянулся и крикнул:

– На помощь! Выручайте же своих!

И все ребята из «А» и «Б» достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой.

А в зале творилась страшная суета. Раиса Ивановна и Елена Степановна бегали по рядам, кричали:

– Перестаньте безобразничать! Прекратите!

А за ними бежали седенькие контролерши и все время спотыкались... И тут Елена Степановна случайно взмахнула рукой и задела за локоть гражданку, которая сидела на приставном стуле. А у гражданки в руке было эскимо. Оно взлетело, как пропеллер, и шлепнулось на лысину одного дяденьки. Тот вскочил и закричал тонким голосом:

– Успокойте ваш сумасшедший дом!!!

Но мы продолжали палить вовсю, потому что красный пулеметчик уже почти замолчал, он был ранен, и красная кровь текла по его бледному лицу... И у нас тоже почти кончились пистоны, и неизвестно, что было бы дальше, но в это время из-за леса выскочили красные кавалеристы, и у них в руках сверкали шашки, и они врезались в самую гущу врагов!

И те побежали куда глаза глядят, за тридевять земель, а красные кричали «Ура!». И мы тоже все, как один, кричали «Ура!».

И когда белых не стало видно, я крикнул:

– Прекратить огонь!

И все перестали стрелять, и на экране заиграла музыка, и

один парень уселся за стол и стал есть гречневую кашу.

И тут я понял, что очень устал и тоже хочу есть.

Потом картина кончилась очень хорошо, и мы разошлись по домам.

А в понедельник, когда мы пришли в школу, нас, всех мальчишек, кто был в кино, собрали в большом зале.

Там стоял стол. За столом сидел Федор Николаевич, наш директор. Он встал и сказал:

– Сдавай оружие!

И мы все по очереди подходили к столу и сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом.

Федор Николаевич сказал:

– Мы сегодня утром советовались, что с вами делать. Были разные предложения... Но я объявляю вам всем устный выговор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий! Кроме того, у вас, вероятно, будут снижены отметки за поведение. А теперь идите – учитесь хорошо!

И мы пошли учиться. Но я сидел и плохо учился. Я все думал, что выговор – это очень скверно и что мама, наверно, будет сердиться...

Но на перемене Мишка Слонов сказал:

– А все-таки хорошо, что мы помогли красным продержаться до прихода своих!

И я сказал:

– Конечно!!! Хотя это и кино, а, может быть, без нас они и не продержались бы!

– Кто знает...

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полоски для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путеше-

ствия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колодили уже тяжелую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный.

Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выка-
тил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай
тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала.
И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне спод-
ручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово об-
лезлый, и у него были разные глаза: один его собственный –
желтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы
от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это
было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел
на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и вы-
пятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как
будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как дав-
ным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался,
повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за
стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной
кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда
я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или ва-
реньем, такая забавная милая мордочка становилась у него
тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и
укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему раз-
ные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его
любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы

отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Дымка и Антон

Прошлым летом я был на даче у дяди Володи. У него очень красивый дом, похожий на вокзал, но чуть-чуть поменьше.

Я там жил целую неделю и ходил в лес, разводил костры и купался.

Но главное, я там подружился с собаками. И там их было очень много, и все называли их по имени и фамилии. Например, Жучка Бреднева, или Тузик Мурашовский, или Барбос Исаенко.

Так удобней разбираться, кого какая укусила.

А у нас жила собака Дымка. У нее хвост загнутый и лохматый, и на ногах шерстяные галифе.

Когда я смотрел на Дымку, я удивлялся, что у нее такие красивые глаза. Желтые-желтые и очень понятливые. Я давал Дымке сахара, и она всегда виляла мне хвостом. А через два дома жила собака Антон. Он был Ванькин. Ванькина фамилия была Дыхов, и вот и Антон назывался Антон Дыхов. У этого Антона было только три ноги, вернее у четвертой ноги не было лапы. Он где-то ее потерял. Но он все равно бегал очень быстро и всюду поспевал. Он был бродяга, пропадал по три дня, но всегда возвращался к Ваньке. Антон любил стянуть, что подвернется, но умнющий был на редкость. И вот что однажды было.

Моя мама вынесла Дымке большую кость. Дымка взяла ее, положила перед собой, зажала лапами, зажмурилась и хотела уже начать грызть, как вдруг увидела Мурзика, нашего кота. Он никого не трогал, спокойно шел домой, но Дымка вскочила и пустилась за ним! Мурзик – бежать, а Дымка долго за ним гонялась, пока не загнала за сарай.

Но все дело было в том, что Антон уже давно был у нас на дворе. И как только Дымка занялась Мурзиком, Антон довольно ловко цапнул ее кость и удрал! Куда он девал кость, не знаю, но только через секунду приковылял обратно и сидит себе, посматривает: «Я, ребята, ничего не знаю».

Тут пришла Дымка и увидела, что кости нет, а есть только Антон. Она посмотрела на него, как будто спросила: «Ты взял?» Но этот нахал только рассмеялся ей в ответ! А потом отвернулся со скучающим видом. Тогда Дымка обошла его

и снова посмотрела ему прямо в глаза. Но Антон даже ухом не повел. Дымка долго на него смотрела, но потом поняла, что у него совести нет, и отошла.

Антон хотел было с ней поиграть, но Дымка совсем перестала с ним разговаривать.

Я сказал:

– Антон! На-на-на!

Он подошел, а я сказал ему:

– Я все видел. Если сейчас же не принесешь кость, я всем расскажу.

Он ужасно покраснел. То есть, конечно, он, может быть, и не покраснел, но вид у него был такой, что ему очень стыдно, и он прямо покраснел.

Вот какой умный! Поскакал на своих троих куда-то, и вот уже вернулся, и в зубах несет кость. И тихо так, вежливо, положил перед Дымкой. А Дымка есть не стала. Она посмотрела чуть-чуть искоса своими желтыми глазами и улыбнулась – простила, значит!

И они начали играть и возиться, и потом, когда устали, побежали к речке совсем рядышком.

Как будто взялись за руки.

Ничего изменить нельзя

Я давно уже заметил, что взрослые задают маленьким очень глупые вопросы. Они как будто сговорились. Получа-

ется так, словно они все выучили одинаковые вопросы и задают их всем ребятам подряд. Я так к этому делу привык, что наперед знаю, как все произойдет, если я познакомлюсь с каким-нибудь взрослым. Это будет так.

Вот раздастся звонок, мама откроет дверь, кто-то будет долго гудеть что-то непонятное, потом в комнату войдет новый взрослый. Он будет потирать руки. Потом уши, потом очки. Когда он их наденет, то увидит меня, и хотя он давным-давно знает, что я живу на этом свете, и прекрасно знает, как меня зовут, он все-таки схватит меня за плечи, сожмет их довольно-таки больно, притянет меня к себе и скажет:

«Ну, Денис, как тебя зовут?»

Конечно, если бы я был невежливый человек, я бы ему сказал:

«Сами знаете! Ведь вы только сейчас назвали меня по имени, зачем же вы несете несуразицу?»

Но я вежливый. Поэтому я притворюсь, что не расслышал ничего такого, я просто криво улыбнусь и, отведя в сторону глаза, отвечу:

«Денисом».

Он с ходу спросит дальше:

«А сколько тебе лет?»

Как будто не видит, что мне не тридцать и даже не сорок! Ведь видит же, какого я роста, и, значит, должен понять, что мне самое большее семь, ну восемь от силы, – зачем же тогда

спрашивать? Но у него свои, взрослые взгляды и привычки, и он продолжает приставать:

«А? Сколько же тебе лет? А?»

Я ему скажу:

«Семь с половиной».

Тут он расширит глаза и схватится за голову, как будто я сообщил, что мне вчера стукнуло сто шестьдесят один. Он прямо застонет, словно у него три зуба болят:

«Ой-ой-ой! Семь с половиной! Ой-ой-ой!»

Но чтобы я не заплакал от жалости к нему и понял, что это шутка, он перестанет стонать. Он двумя пальцами довольно-таки больно ткнет меня в живот и бодро воскликнет:

«Скоро в армию! А?»

А потом вернется к началу игры и скажет маме с папой, покачивая головой:

«Что делается, что делается! Семь с половиной! Уже! – И, обернувшись ко мне, добавит: – А я тебя вот такусеньким знал!»

И он отмерит в воздухе сантиметров двадцать. Это в то время, когда я точно знаю, что во мне был пятьдесят один сантиметр в длину. У мамы даже такой документ есть. Официальный. Ну, на этого взрослого я не обижаюсь. Все они такие. Вот и сейчас я твердо знаю, что ему положено задуматься. И он задумается. Железно. Он повесит голову на грудь, словно заснул. А тут я начну потихоньку вырываться из его рук. Но не тут-то было. Просто взрослый вспомнит, какие

там у него еще вопросы завалились в кармане, он их вспомнит и наконец, радостно улыбаясь, спросит:

«Ах да! А кем ты будешь? А? Кем ты хочешь быть?»

Я-то, честно говоря, хочу заняться спелеологией, но я понимаю, что новому взрослому это будет скучно, непонятно, это ему будет непривычно, и, чтобы не сбивать его с толку, я ему отвечу:

«Я хочу быть мороженщиком. У него всегда мороженого сколько хочешь».

Лицо нового взрослого сразу посветлеет. Все в порядке, все идет так, как ему хотелось, без отклонений от нормы. Поэтому он хлопнет меня по спине (довольно-таки больно) и снисходительно скажет:

«Правильно! Так держать! Молодец!»

И тут я по своей наивности думаю, что это уже все, конец, и начну немного посмелее отодвигаться от него, потому что мне некогда, у меня еще уроки не приготовлены и вообще тысяча дел, но он заметит эту мою попытку освободиться и подавит ее в корне, он зажмет меня ногами и закогтит руками, то есть, попросту говоря, он применит физическую силу, и, когда я устану и перестану трепыхаться, он задаст мне главный вопрос.

«А скажи-ка, друг ты мой... – скажет он, и коварство, как змея, проползет в его голосе, – скажи-ка, кого ты больше любишь? Папу или маму?»

Бестактный вопрос. Тем более что задан он в присутствии

обоих родителей. Придется ловчить.

«Михаила Таля», – скажу я.

Он захохочет. Его почему-то веселят такие кретинские ответы. Он повторит раз сто:

«Михаила Таля! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Каково, а? Ну? Что вы скажете на это, счастливые родители?»

И будет смеяться еще полчаса, и папа и мама будут смеяться тоже. И мне будет стыдно за них и за себя. И я дам себе клятву, что потом, когда кончится этот ужас, я как-нибудь незаметно для папы поцелую маму, незаметно для мамы поцелую папу. Потому что я люблю их одинаково обоих, одинаково!! Клянусь своей белой мышкой! Ведь это так просто. Но взрослых это почему-то не удовлетворяет. Несколько раз я пробовал честно и точно ответить на этот вопрос, и всегда я видел, что взрослые недовольны ответом, у них наступало какое-то разочарование, что ли. У всех у них в глазах как будто бывает написана одна и та же мысль, приблизительно такая: «У-у-у... Какой банальный ответ! Он любит папу и маму одинаково! Какой скучный мальчик!»

Потому я и совру им про Михаила Таля, пусть посмеются, а я пока попробую снова вырваться из стальных объятий моего нового знакомого! Куда там, видно, он поздоровее Юрия Власова. И сейчас он мне задаст еще один вопросик. Но по его тону я догадываюсь, что дело идет к концу. Это будет самый смешной вопрос, вроде бы на сладкое. Сейчас его лицо изобразит сверхъестественный испуг.

«А ты сегодня почему не мылся?»

Я мылся, конечно, но я прекрасно понимаю, куда он клонит.

И как им не надоест эта старая, заезженная игра?

Чтобы не тянуть волынку, я схвачусь за лицо.

«Где?! – вскрикну я. – Что?! Где?!»

Точно! Прямое попадание! Взрослый мгновенно произнесет свою старомодную муру.

«А глазки? – скажет он лукаво. – Почему такие черные глазки? Их надо отмыть! Иди сейчас же в ванную!»

И он наконец-то отпустит меня! Я свободен и могу приниматься за дела.

Ох и трудненько достаются мне эти новые знакомства! Но что поделать? Все дети проходят через это! Не я первый, не я последний...

Тут ничего изменить нельзя.

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Аленка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь ее на попа! Легче, а то весь шпиг обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактировать, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Аленка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Аленки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зеленая,
Боюсь уколюся я.

Но Аленка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!»

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Синий кинжал

Это дело было так. У нас был урок – труд. Раиса Ивановна сказала, чтобы мы сделали каждый по отрывному календарю, кто как сообразит. Я взял картонку, оклеил ее зеленой бумагой, посередине прорезал щелку, к ней прикрепил спичечную коробку, а на коробку положил стопочку белых листиков, подогнал, подклеил, подровнял и на первом листике написал: «С Первым маем!»

Получился очень красивый календарь для маленьких детей. Если, например, у кого куклы, то для этих кукол. В общем, игрушечный. И Раиса Ивановна поставила мне пять.

Она сказала:

– Мне нравится.

И я пошел к себе и сел на место. И в это время Левка Бурин тоже стал сдавать свой календарь, а Раиса Ивановна посмотрела на его работу и говорит:

– Наляпано.

И поставила Левке тройку.

А когда наступила перемена, Левка остался сидеть за партой. У него был довольно-таки невеселый вид. А я в это время как раз промокал кляксу, и, когда увидел, что Левка такой грустный, я прямо с промокашкой в руке подошел к Левке. Я хотел его развеселить, потому что мы с ним дружим и он один раз подарил мне монетку с дыркой. И еще обещал

принести мне стреляную охотничью гильзу, чтобы я из нее сделал атомный телескоп.

Я подошел к Левке и сказал:

– Эх ты, Ляпа!

И соорстил ему косые глаза.

И тут Левка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку. Вот когда я понял, как искры из глаз летят. Я страшно разозлился на Левку и треснул его изо всех сил промокашкой по шее. Но он, конечно, даже не почувствовал, а схватил свой портфель и пошел домой. А у меня даже слезы капали из глаз – так здорово поддал мне Левка, – капали прямо на промокашку и расплывались по ней, как бесцветные кляксы...

И тогда я решил Левку убить. После школы я целый день сидел дома и готовил оружие. Я взял у папы с письменного стола его синий разрезальный нож из пластмассы и целый день точил его о плиту. Я его упорно точил, терпеливо. Он очень медленно затачивался, но я все точил и все думал, как я приду завтра в класс и мой верный синий кинжал блеснет перед Левкой, я занесу его над Левкиной головой, а Левка упадет на колени и будет умолять меня даровать ему жизнь, и я скажу:

«Извинись!»

И он скажет:

«Извини!»

А я засмеюсь громовым смехом, вот так:

«Ха-ха-ха-ха!»

И эхо долго будет повторять в ущельях этот зловещий хохот. А девчонки от страха залезут под парты.

И когда я лег спать, то все ворочался с боку на бок и вздыхал, потому что мне было жалко Левку – хороший он человек, но теперь пусть несет заслуженную кару, раз он стукнул меня пеналом по голове. И синий кинжал лежал у меня под подушкой, и я сжимал его рукоятку и чуть не стонал, так что мама спросила:

– Ты что там кряхтишь?

Я сказал:

– Ничего.

Мама сказала:

– Живот, что ли, болит?

Но я ничего ей не ответил, просто я взял и отвернулся к стенке и стал дышать, как будто я давно уже сплю.

Утром я ничего не мог есть. Только выпил две чашки чаю с хлебом и маслом, с картошкой и сосиской. Потом пошел в школу.

Синий кинжал я положил в портфель с самого верху, чтоб удобно было достать.

И перед тем как пойти в класс, я долго стоял у дверей и не мог войти, так сильно билось сердце. Но все-таки я себя переборол, толкнул дверь и вошел. В классе все было как всегда, и Левка стоял у окна с Валериком. Я, как его увидел, сразу стал расстегивать портфель, чтобы достать кинжал. Но

Левка в это время побежал ко мне. Я подумал, что он опять стукнет меня пеналом или чем-нибудь еще, и стал еще быстрее расстегивать портфель, но Левка вдруг остановился около меня и как-то затоптался на месте, а потом вдруг наклонился ко мне близко-близко и сказал:

– На!

И он протянул мне золотую стреляную гильзу. И глаза у него стали такие, как будто он еще что-то хотел сказать, но стеснялся. А мне вовсе и не нужно было, чтобы он говорил, просто я вдруг совершенно забыл, что хотел его убить, как будто и не собирался никогда, даже удивительно.

Я сказал:

– Хорошая какая гильза.

Взял ее. И пошел на свое место.

Мотогонки по отвесной стене

Еще когда я был маленький, мне подарили трехколесный велосипед. И я на нем выучился ездить. Сразу сел и поехал, нисколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

– Смотри, какой он способный к спорту.

А папа сказал:

– Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать

на велосипеде разные штуки, как веселые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперед или лежа на седле и вертя педали какой угодно рукой – хочешь правой, хочешь левой; ездил боком, растопыря ноги; ездил, сидя на руле, а то зажмурясь и без рук; ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился повсякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколесным, и я опять очень быстро все заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и его окрестностей».

И так я катался на своем велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нем сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл – это другое дело, автомобиль – тоже, ракета – ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед

около трубы и ушел. А я остался тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

– Ну? Чего уставился?

Я говорю:

– Сам едет, понял?

Мишка говорит:

– Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу – чай пить.

Я спрашиваю:

– А трудно такой машиной управлять?

– Ерунда на постном масле, – говорит Мишка. – Она заводится с пол-оборота. Один раз нажмешь на педаль, и готово – можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость двадцать километров за полчаса.

– Ого! Вот это да! – говорю я. – Вот это машина! На такой покататься бы!

Тут Мишка покачал головой:

– Влетит. Федька убьет. Голову оторвет!

– Да. Опасно, – говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

– Во дворе никого нет, а ты все-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и все пойдет как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьет. По три стакана дует. Давай!

– Давай! – сказал я.

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

– Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щелкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам! На педали не жму – не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, все вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка все бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

– Я устал! – и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я все ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление – все мелькало передо мной довольно долго, и все было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали

немножко колоть мурашки... И еще мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

– Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

– Что? Говори громче!

Я кричу:

– Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал еще круг и закричал:

– Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орет:

– Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку. Машина трещит себе как ни в чем не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

– Мишка, а где этот тормоз?

А он:

– Я забыл!

А я:

– Ты вспомни!

– Ладно, вспомню, ты пока покрутись еще немножко!

– Ты скорей вспоминай, Мишка! – опять кричу я.

И проехал дальше, и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

– Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

– Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

– Надо достать матрац, на котором спят! Чтоб ты в него врезался и остановился! Ты на чем спишь?

Я кричу:

– На раскладушке!

А Мишка:

– Тогда езд, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не кончится»... Это, может быть, еще две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

– Сбегай за вашим Федькой!

– Он чай пьет! – кричит Мишка.

– Потом допьет! – ору я.

А он не дослышал и соглашается со мной:

– Убьет! Обязательно убьет!

И опять все завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемишку: домик, столбоуправление, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я все-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

Третье место в стиле баттерфляй

Когда я шел домой из бассейна, у меня было очень хорошее настроение. Мне нравились все троллейбусы, что они такие прозрачные и всех видать, кто в них едет, и мороженщицы нравились, что они веселые, и нравилось, что не жарко на улице и ветерок холодит мою мокрую голову. Но особенно мне нравилось, что я занял третье место в стиле баттерфляй и что я сейчас расскажу об этом папе, – он давно хотел, чтобы я научился плавать. Он говорит, что все люди

должны уметь плавать, а мальчишки особенно, потому что они мужчины. А какой же это мужчина, если он может потонуть во время кораблекрушения или просто так, на Чистых прудах, когда лодка перевернется?

И вот я сегодня занял третье место и сейчас скажу об этом папе. Я очень торопился домой, и, когда вошел в комнату, мама сразу спросила:

– Ты что так сияешь?

Я сказал:

– А у нас сегодня было соревнование.

Папа сказал:

– Это какое же?

– Заплыв на двадцать пять метров в стиле баттерфляй...

Папа сказал:

– Ну и как?

– Третье место! – сказал я.

Папа прямо весь расцвел.

– Ну да? – сказал он. – Вот здорово! – Он отложил в сторону газету. – Молодчина!

Я так и знал, что он обрадуется. У меня еще лучше настроение стало.

– А кто же первое занял? – спросил папа.

Я ответил:

– Первое место, папа, занял Вовка, он уже давно умеет плавать. Ему это не трудно было...

– Ай да Вовка! – сказал папа. – Так, а кто же занял второе

место?

– А второе, – сказал я, – занял рыженький один мальчишка, не знаю, как зовут. На лягушонка похож, особенно в воде...

– А ты, значит, вышел на третье? – Папа улыбнулся, и мне это было очень приятно. – Ну, что ж, – сказал он, – все-таки что ни говори, а третье место тоже призовое, бронзовая медаль! Ну а кто же на четвертом остался? Не помнишь? Кто занял четвертое?

Я сказал:

– Четвертое место никто не занял, папа!

Он очень удивился:

– Это как же?

Я сказал:

– Мы все третье место заняли: и я, и Мишка, и Толька, и Кимка, все-все. Вовка – первое, рыжий лягушонок – второе, а мы, остальные восемнадцать человек, мы заняли третье. Так инструктор сказал!

Папа сказал:

– Ах, вот оно что... Все понятно!..

И он снова уткнулся в газеты.

А у меня почему-то совсем пропало хорошее настроение.

Сверху вниз, наискосок!

В то лето, когда я еще не ходил в школу, у нас во дворе был

ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песка. И мы играли на этом песке в «разгром фашистов под Москвой», или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело, и мы подружились с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принес слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Аленка показала монтерам, где у нас черный ход. И мы еще много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом как-то незаметно ремонт стал заканчиваться, рабочие уходили один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжелую железку и тоже ушел.

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: носили мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твердые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах девушки носили шапки из газет. Эти девушки были маляры и назывались: бригада. Они были очень веселые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Аленка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них все получается складно и аккуратно. Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

И однажды мы к ним подошли, и тетя Саня сказала:
– Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час.

Я сбегал, узнал и сказал:

– Без пяти двенадцать, тетя Саня...

Она сказала:

– Шабаш, девчата! Я – в столовую! – и пошла со двора.

И тетя Раечка и тетя Нелли пошли за ней обедать.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово: ровно и коричнево, с небольшой краснотой. Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

– Интересно, а если я покачаю насос, краска пойдет?

Аленка говорит:

– Спорим, не пойдет!

Тогда я говорю:

– А вот спорим, пойдет!

Тут Мишка говорит:

– Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

– Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку. Краска

стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

– Ура! – закричала Аленка. – Пошло! Пошло-поехало! – и подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

– Здóрово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Аленка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил ее сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит:

– Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же ее скорей!

– Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Аленка прямо завизжала от восторга:

– Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка.

Тогда Мишка приналег на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Аленку поливать краской. Я замечательно ее покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики. И стала она вся коричневая, только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

– Мишка, как думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

– Ну конечно! Крась скорей! Быстрей давай!

И Аленка торопит:

– Давай-давай! И волосы давай! И уши!

Я быстро закончил ее красить и говорю:

– Иди, Аленка, на солнце пообсохни! Эх, что бы еще покрасить?

А Мишка:

– Вон видишь, наше белье сушится? Скорей давай крась!

Ну с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает:

– Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешел на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из нее вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме.

Он прямо остолбенел. И я тоже. Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх. А у него глаза расширились, и ему в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает и знай себе ладит свое:

– Крась давай, побыстрей давай!

И Аленка сбоку вытанцовывает:

– Я индейка! Я индейка!

Ужас!

...Да здорово нам тогда влетело. Мишка две недели белье стирал. А Аленку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тетя Саня, Раечка и Нелли сказали:

– Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмем. Будешь маляром!

И с тех пор я стараюсь расти побыстрей.

Не пиф, не паф!

Когда я был дошкольником, я был ужасно жалостливый. Я совершенно не мог слушать про что-нибудь жалостное. И если кто кого съел, или бросил в огонь, или заточил в темницу, – я сразу начинал плакать. Вот, например, волки съели козлика, и от него остались рожки да ножки. Я реву. Или Бабариха посадила в бочку царицу и царевича и бросила эту бочку в море. Я опять реву. Да как! Слезы бегут из меня толстыми струями прямо на пол и даже сливаются в целые лужи.

Главное, когда я слушал сказки, я уже заранее, еще до того самого страшного места, настраивался плакать. У меня кривились и ломались губы и голос начинал дрожать, словно ме-

ня кто-нибудь тряс за шиворот. И мама просто не знала, что ей делать, потому что я всегда просил, чтобы она мне читала или рассказывала сказки, а чуть дело доходило до страшного, как я сразу это понимал и начинал на ходу сказку сокращать. За какие-нибудь две-три секунды до того, как случиться беде, я уже принимался дрожащим голосом просить: «Это место пропусти!»

Мама, конечно, пропускала, перескакивала с пятого на десятое, и я слушал дальше, но только совсем немножко, потому что в сказках каждую минуту что-нибудь случается, и, как только становилось ясно, что вот-вот опять произойдет какое-нибудь несчастье, я снова начинал вопить и умолять: «И это пропусти!»

Мама опять пропускала какое-нибудь кровавое преступление, и я ненадолго успокаивался. И так с волнениями, остановками и быстрыми сокращениями мы с мамой в конце концов добирались до благополучного конца.

Конечно, я все-таки соображал, что сказки от всего этого становились какие-то не очень интересные: во-первых, очень уж короткие, а во-вторых, в них почти совсем не было приключений. Но зато я мог слушать их спокойно, не обливаясь слезами, и потом все же после таких сказок можно было ночью спать, а не валяться с открытыми глазами и бояться до утра. И поэтому такие сокращенные сказки мне очень нравились. Они делались такие спокойные. Как все равно прохладный сладкий чай. Например, есть такая сказка про Крас-

ную Шапочку. Мы с мамой в ней столько напропускали, что она стала самой короткой сказкой в мире и самой счастливой. Мама ее вот как рассказывала:

«Жила-была Красная Шапочка. Раз она напекла пирожков и пошла проведать свою бабушку. И стали они жить-поживать и добра наживать».

И я был рад, что у них все так хорошо получилось. Но, к сожалению, это было еще не все. Особенно я переживал другую сказку, про зайца. Это короткая такая сказочка, вроде считалки, ее все на свете знают:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...

И вот тут у меня уже начинало пощипывать в носу и губы разъезжались в разные стороны, верхняя направо, нижняя налево, а сказка в это время продолжалась... Охотник, значит, вдруг выбегает и...

Прямо в зайчика стреляет!

Тут у меня прямо сердце проваливалось. Я не мог понять, как же это получается. Почему этот свирепый охотник стреляет прямо в зайчика? Что зайчик ему сделал? Что он, первый начал, что ли? Ведь нет! Ведь он же не задирался? Он просто вышел погулять! А этот прямо, без разговоров:

Пиф-паф!

Из своей тяжелой двустволки! И тут из меня начинали течь слезы, как из крана. Потому что раненный в живот зайчик кричал:

Ой-ой-ой!

Он кричал:

– Ой-ой-ой! Прощайте, все! Прощайте, зайчата и зайчиха! Прощай, моя веселая, легкая жизнь! Прощай, алая морковка и хрустящая капуста! Прощай навек, моя полянка, и цветы, и роса, и весь лес, где под каждым кустом был готов и стол и дом!

Я прямо своими глазами видел, как серый зайчик ложится под тоненькую березку и умирает... Я заливался в три ручья горячими слезами и портил всем настроение, потому что меня надо было успокаивать, а я только ревел и ревел...

И вот однажды ночью, когда все улеглись спать, я долго лежал на своей раскладушке и вспоминал беднягу зайчика и все думал, как было бы хорошо, если бы с ним этого не случилось. Как было бы по-настоящему хорошо, если бы только все это не случилось. И я так долго думал об этом, что вдруг незаметно для себя пересочинил всю эту историю:

Раз, два, три, четыре, пять,

Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...
Прямо в зайчика...
Не стреляет!!!
Не пиф! Не паф!
Не ой-ой-ой!
Не умирает зайчик мой!!!

Вот это да! Я даже рассмеялся! Как все складно получилось! Это было самое настоящее чудо. Не пиф! Не паф! Я поставил одно только короткое «не», и охотник как ни в чем не бывало протопал в своих подшитых валенках мимо зайчика. И тот остался жить! Он опять будет играть по утрам на росистой полянке, будет скакать и прыгать и колотить лапками в старый, трухлявый пенёк. Эдакий забавный, славный барабанщик!

И я так лежал в темноте и улыбался и хотел рассказать маме про это чудо, но побоялся ее разбудить. И в конце концов заснул. А когда проснулся, я уже знал навсегда, что больше не буду реветь в жалостных местах, потому что я теперь могу в любую минуту вмешаться во все эти ужасные несправедливости, могу вмешаться и перевернуть всё по-своему, и всё будет хорошо. Надо только вовремя сказать: «Не пиф, не паф!»

Англичанин Павля

– Завтра первое сентября, – сказала мама. – И вот наступила осень, и ты пойдешь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

– И по этому случаю, – подхватил папа, – мы сейчас «за-режем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зеленый треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошел Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нем соскучились.

– Ого, кто пришел! – сказал папа. – Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

– Садись с нами, Павлик, арбуз есть, – сказала мама, – Дениска, подвинься.

Я сказал:

– Привет! – и дал ему место рядом с собой.

– Привет! – сказал он и сел.

И мы начали есть и долго ели и молчали. Нам неохота было разговаривать.

А о чем тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

И когда Павле дали третий кусок, он сказал:

– Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не дает его вволю поесть.

– А почему? – спросила мама.

– Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

– Правда, – сказал папа. – Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

– Я не боюсь, – сказал Павля.

И мы все опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

– А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

– Да, – сказал я. – Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

– Что делал, что делал?... Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я все лето зря пропечушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования.

Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки!

Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут еще мама добавила:

– Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

– Молодец, – сказал папа. – Уважаю!

Павля прямо засиял.

– К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

– А что, трудный английский язык? – спросил я.

– С ума сойти, – вздохнул Павля.

– Еще бы не трудный, – вмешался папа. – Там у них сам черт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

– Ну да! – сказал я. – Верно, Павля?

– Прямо беда, – сказал Павля. – Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

– Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? – сказала мама. – Ты почему, когда вошел, не сказал нам по-английски «здрате»?

– Я «здрате» еще не проходил, – сказал Павля.

– Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал «спасибо»?

– Я сказал, – сказал Павля.

– Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

– Мы до «спасибо» еще не дошли, – сказал Павля. – Очень трудное пропо-ви-сание.

Тогда я сказал:

– Павля, а научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

– Я этого еще не изучил, – сказал Павля.

– А что же ты изучил? – закричал я. – За два месяца ты все-таки хоть что-нибудь-то изучил?

– Я изучил, как по-английски «Петя», – сказал Павля.

– Ну, как?

– «Пит»! – торжествующе объявил Павля. – По-английски «Петя» будет «Пит». – Он радостно засмеялся и добавил: – Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймет. Вот потеха-то будет! Верно, Денис?

– Верно, – сказал я. – Ну, а что ты еще знаешь по-английски?

– Пока всё, – сказал Павля.

Смерть шпиона Гадюкина

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем тепло и до весенних наших каникул осталось два или три дня. Когда я пришел в школу, все закричали:

– Дениска пришел, ура!

И я очень обрадовался, что пришел, и что все ребята сидят на своих местах – и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, – и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна веселая, и всё, всё как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на перемене, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

– А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

– Ну да?

Мишка сказал:

– Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвертого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!..

Я сказал:

– А ты, Мишка, будешь выступать?

– Подрастешь – узнаешь.

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Дома я все это сообщил маме, а потом сказал:

– Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и говорит:

– А что ты умеешь делать?

Я сказал:

– Как, мама, разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Все равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

– Ты споешь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем. – Она вышла из-за шкафа. – Это так приятно – быть зрителем. Сидишь, смотришь, как артисты выступают... Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступал, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

– Ладно. Тогда я буду зрителем.

И на другой день я пошел на концерт. Мама не могла со мной идти – она дежурила в институте, – папа как раз уехал на какой-то завод на Урал, и я пошел на концерт один. В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся и появилась вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио:

– Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтет нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошел до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперед левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он убрал левую ногу и выставил правую. Потом он вдруг стал откашливаться:

– Кхм! Кхм!.. Кхм!..

Я сказал:

– Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

– Стих.

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше все!

...Всё!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только: Мишка сам их сочинил! Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

– Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали еще сильнее, а Люся поставила стул на самой середке. И тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны». И все слушали, и я тоже слушал и все время думал: «Как это Валерка так быстро перебирает пальцами?» И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она по-маленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться; но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись. Ва-

лерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они все равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперед и запела:

...Серебрятся волны,
Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали так хлопали!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак. Потом Борис Сергеевич сильно ударил по клавишам и кончил играть.

А мальчишки и девчонки еще топали по сцене сами, без музыки, кто как, и это было очень весело, и я уже собирался тоже слазить к ним на сцену, но они вдруг разбежались. Вышла Люся и сказала:

– Перерыв пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвертого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке – собачья

смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана свое яблоко и начал его догрызать.

А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же, рядом. Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

– Люся, можешь себе представить – Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

– Не может быть! Что же делать? Кто ж будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

– Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать.

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

– Вот, – сказала она. – Дениска! Чего же лучше! Он нам поможет! Дениска, иди сюда!

Я подошел к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

– А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

– По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

– А так, с первого взгляда, не скажешь.

Я сказал:

– Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня на сцену.

Там стоял мальчик из четвертого класса, он был в черном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой; он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвертого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеенчатом плаще с поднятым воротником.

Тут же были еще мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в черном костюме пистолет, так сразу спросил его:

– Это настоящий?

Но рыжая девочка перебила меня.

– Слушай, Дениска! – сказала она. – Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!» – ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его.

Девочка сказала:

– Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку, поговорит по телефону и уйдет со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

– Понял, понял... Чего тут не понять? А пистолет у него

настоящий? Парабеллум или какой?

– погоди ты со своим пистолетом... Именно, что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола папку и кинется к окну, а этот мальчик, в черном костюме, в него прицелится, тогда ты возьми эту дощечку и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильнее!

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

– Здорово! – сказал я. – А потом?

– Это все, – сказала девочка. – Если понял, повтори!

Я все повторил. Слово в слово. Она сказала:

– Смотри же, не подведи!

– Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил дощечку к стулу, а сам стал смотреть в щелочку занавеса. Я увидел, как пришли Раиса Ивановна и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за веревку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал. А на сцене стоял

стол, и за ним сидел мальчик в черном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в черном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в черном костюме подумал и снова сказал:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за батарею? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за батареей. Звонка не было! Нету!.. Люди добрые, что же делать?!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

– Я вас пятый раз умоляю! Покажите план аэродрома!

А мальчик в черном костюме повернулся ко мне лицом и закричал страшным голосом:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком. Они оба мне грозили!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в черном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

– Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

– Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в черном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

– Слушаю вас! – и вытер пот со лба.

А дальше все пошло как по маслу. Мальчик в черном встал и сказал бородатому:

– Меня вызывают. Я приеду через несколько минут.

И ушел со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчик с бородой пошел на цыпочках к его столу и стал там рыться и все время оглядывался. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голо-

сом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в черном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка решила, что это мышь, схватила ее и убежала. А мальчик как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лег на пол – как будто умер. Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвертого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

– Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала. Но мальчик в черном костюме сказал:

– Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне все время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

Старый мореход

Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на нее натянуто тесно, как наволочка на подушку. У нее в ушах разные сережки болтаются. И душит-ся она чем-то сухим и сладким. Я когда этот запах слышу,

так у меня сразу горло сжимается. Марья Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать: кем я хочу быть. Я ей уже пять раз объяснял, а она все продолжает задавать один и тот же вопрос. Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окна пахло зеленью, и, хотя был уже вечер, все равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и, когда я не хотел ложиться, эта Марья Петровна вдруг говорит:

– Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедем. Там речка есть и собака, и мы на лодке покатаемся все втроем.

И я сразу лег, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресеньи, как я поеду на дачу, и пробегусь босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погрести, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с весел в воду будут стекать капли, прозрачные, как стекло. И я подружусь там с собачонкой, Жучкой или Тузиком, и буду смотреть в его желтые глаза, и потрогаю его язык, когда он его высунет от жары.

И я так лежал, и думал, и слышал смех Марьи Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал все то же самое. И когда наступила суббота, я почистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, и наточил его о плиту, потому что мало ли какую я палку себе

вырежу, может быть, даже ореховую.

А утром я встал раньше всех, и оделся, и стал ждать Марию Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

– Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем!

– Что ты, папа! А Мария Петровна? Она сейчас приедет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я ее должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу увидеть Марию Петровну, когда она придет. Но ее что-то долго не было. Тогда ко мне подошел Мишка, он сказал:

– Слазим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

– Понимаешь, не могу... Я на денек в деревню уезжаю. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тетенька приедет, и мы поедем с ней на электричке.

Тогда Мишка сказал:

– Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, все-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марьей Петровной. Я сказал:

– Какой может быть разговор! Конечно, мы тебя возьмем, с удовольствием! Мария Петровна добрая, чего ей стоит!

И мы стали вдвоем ждать с Мишкой. Мы вышли в пере-

улок и долго стояли и ждали, и, когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

– Эта?

И через минуту снова:

– Вон та?

Но это всё были незнакомые женщины, и нам стало скучно, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

– Мне надоело!

И ушел.

А я ждал. Я хотел ее дождаться. Я ждал до самого обеда.

Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

– Так идешь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдем в кино!

Я сказал:

– Я подожду. Ведь я обещал ей подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей, и папа, когда пришел из кино, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал, когда мы шли домой:

– Это все еще будет в твоей жизни. И трава, и речка, и лодка, и собака... Всё будет, держи нос повыше!

Но я, когда лег спать, я все равно стал думать про деревню, лодку и собачонку, только как будто я там не с Марьей Петровной гуляю, а с Мишкой и с папой или с Мишкой и

мамой. И время потекло, оно проходило, и я почти совсем забыл про Марию Петровну, как вдруг однажды, пожалуйста! Дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И сережки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол и начинают пить чай. Но я не вышел к Марье Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марию Петровну.

А она сидела как ни в чем не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего заглянула за шкаф и схватила меня за подбородок.

– Ты что такой угрюмый?

– Ничего, – сказал я.

– Давай вылезай, – сказала Мария Петровна.

– Мне и здесь хорошо! – сказал я.

Тогда она захохотала, и все на ней брякало от смеха, а когда отсмеялась, сказала:

– А чего я тебе подарю...

Я сказал:

– Ничего не надо!

Она сказала:

– Саблю не надо?

Я сказал:

– Какую?

– Буденновскую. Настоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

– А у вас есть?

– Есть, – сказала она.

– А она вам не нужна? – спросил я.

– А зачем? Я женщина, военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я тебе ее подарю.

И было видно по ней, что ей нисколько не жаль сабли. Я даже поверил, что она и на самом деле добрая. Я сказал:

– А когда?

– Да завтра, – сказала она. – Вот завтра придешь после школы, а сабля – здесь. Вот здесь, я ее тебе прямо на кровать положу.

– Ну ладно, – сказал я и вылез из-за шкафа, и сел за стол и тоже пил с ней чай, и проводил ее до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков и побежал домой сломя голову. Я бежал и размахивал рукой – в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колол фашистов, и защищал черных ребят в Африке, и перерубил всех врагов Кубы. Я из них прямо капусты нарубил. Я бежал, а дома меня ждала сабля, настоящая буденновская сабля, и я знал, что, в случае чего, я сразу запишусь в добровольцы, и, раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И когда я вбежал в комнату, я сразу бросился к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушку, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было.

Не было сабли. Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть.

Я подошел к окну. Мама сказала:

– Может быть, она еще придет?

Но я сказал:

– Нет, мама, она не придет. Я так и знал.

Мама сказала:

– Зачем же ты под раскладушку-то лазил?...

Я объяснил ей:

– Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь? Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

– Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна. Мне не хотелось идти во двор.

А когда пришел папа, мама ему все рассказала, и он позвал меня к себе. Он снял со своей полки какую-то книгу и сказал:

– Давай-ка, брат, почитаем чудесную книжку про собаку. Называется «Майкл – брат Джерри». Джек Лондон написал.

И я быстро устроился возле папы, и он стал читать. Он хорошо читает, просто здорово! Да и книжка была ценная. Я в первый раз слушал такую интересную книжку. Приключения собаки. Как ее украл один боцман. И они поехали на корабле искать клады. А корабль принадлежал трем богачам. Дорогу им указывал Старый Мореход, он был больной и оди-

нокий старик, он говорил, что знает, где лежат несметные сокровища, и обещал этим трем богачам, что они получают каждый целую кучу алмазов и брильянтов, и эти богачи за эти обещания кормили Старого Морехода. А потом вдруг выяснилось, что корабль не может доехать до места, где клад, из-за нехватки воды. Это тоже подстроил Старый Мореход. И пришлось богачам ехать обратно несолоно хлебавши. Старый Мореход этим обманом добывал себе пропитание, потому что он был израненный бедный старик.

И когда мы окончили эту книжку и снова стали ее всю вспоминать, с самого начала, папа вдруг засмеялся и сказал:

– А этот-то хорош, Старый Мореход! Да он просто обманщик, вроде твоей Марьи Петровны.

Но я сказал:

– Что ты, папа! Совсем не похоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Марья Петровна? Разве она больная?

– Здоровая, – сказал папа.

– Ну да, – сказал я. – Ведь если бы Старый Мореход не врал, он бы умер, бедняга, где-нибудь в порту, прямо на голых камнях, между ящиками и тюками, под ледяным ветром и проливным дождем. Ведь у него не было крова над головой! А у Марьи Петровны чудесная комната – восемнадцать метров со всеми удобствами. И сколько у нее сережек, побрякушек и цепочек!

– Потому что она мещанка, – сказал папа.

И я хотя и не знал, что такое мешчанка, но я понял по папиному голосу, что это что-то скверное, и я ему сказал:

– А Старый Мореход был благородный: он спас своего больного друга, боцмана, – это раз. И ты еще подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Марья Петровна – меня. Объясни, зачем она меня-то обманывает? Разве я богач?

– Да забудь ты, – сказала мама, – не стоит так переживать!

А папа посмотрел на нее и покачал головой и замолчал. И мы лежали вдвоем на диване и молчали, и мне было тепло рядом с ним, и я захотел спать, но перед самым сном я все-таки подумал:

«Нет, эту ужасную Марью Петровну нельзя даже и сравнивать с таким человеком, как мой милый, добрый Старый Мореход!»

Запах неба и махорочки

Если подумать, так это просто какой-то ужас: я еще ни разу не летал на самолетах. Правда, один раз я чуть-чуть не полетел, да не тут-то было. Сорвалось. Прямо беда. И это не так давно случилось. Я уже не маленький был, хотя нельзя сказать, что и большой. В то время у мамы был отпуск, и мы гостили у ее родных, в одном большом колхозе. Там было много тракторов и косилок, но главное, там водились животные: лошади, цыплята и собаки. И была веселая компания

ребят. Все с белыми волосами и очень дружные. По ночам, когда я ложился спать в маленькой светелке, было слышно, как где-то далеко гармонисты играют что-то печальное, и под эту музыку я сразу засыпал.

И я полюбил всех в этом колхозе, и особенно ребят, и решил, что проживу здесь для начала лет сорок, а там видно будет. Но вдруг стоп, машина! Здравствуйте! Мама сказала, что отпуск промчался как одно мгновение и нам надо срочно домой. Она спросила у дедушки Вали:

– Когда вечерний поезд?

Он сказал:

– А чего тебе поездом-то телепаться? Валяй на самолете! Аэропорт-то в трех верстах. Момент, и вы с Дениской в Москве!

Ну что за дедушка Валя – золотой человек! Добрый. Он один раз мне божью коровку подарил. Я его никогда не забуду за это. И теперь тоже. Он когда увидел, как мне хочется лететь на самолете, то в два счета уговорил маму, и она, хотя и неохотно, но все-таки согласилась. И дедушка Валя, чтобы не гонять пятитонку по пустыкам, запряг лошадь, положил наш тяжелый чемодан в телегу, на сенцо, и мы уселись и поехали. Я просто не знаю, как сказать, до чего было здорово ехать, слушать, как скрипит тележка, и слышать, как вокруг пахнет полем, дегтем и махорочкой. И я радовался, что сейчас полечу, потому что Мишка у нас в Москве во дворе рассказывал, как он с папой летал в Тбилиси, какой у

них был самолет огромный, из трех комнат, и как им давали конфет сколько хочешь, а на завтрак сосиски в целлофановом мешочке и чай на подвесных столиках. И я так совсем задумался, как вдруг наша тележка въехала в высокие деревянные ворота, украшенные елочными ветками. Ветки были старые, они пожелтели. За этими воротами тоже было поле, только трава была какая-то не пышная, а пожухлая и потерянная. Немножко подальше, прямо перед нами, стоял небольшой домик. И дедушка Валя поехал к нему. Я сказал:

– Зачем мы сюда едем? Мне надоело трястись. Поедем поскорее в аэропорт.

Дедушка Валя сказал:

– А это чего? Это и есть аэропорт... Иль ослеп?

У меня просто сердце упало. Это пожухлое поле – аэропорт? Чепуха какая! А где красота? Ведь никакой же красоты! Я сказал:

– А самолеты?

– Вот войдем в аэровокзал, – он показал на домик, – пройдем его насквозь, выйдем в другие двери, там и будут тебе самолеты... Покормить, что ли?...

И он повязал нашей лошади на голову мешок с овсом, и она начала хрупать.

А мы пошли в этот домик. В нем было душно и пахло щами. В первой комнате сидели люди. Тут был дяденька с колесом и старушка с мешком. В мешке кто-то дышал – наверно, поросенок. Еще была женщина с двумя мальчатами в розо-

вых рубашках и одним грудным. Она его завернула в пеленки туго-натуго, и он был похож на гусеничку, потому что все время корчился. Тут же был газетный киоск. Дедушка Валя поставил наш тяжелый чемодан возле мамы и подошел к киоску. Я пошел за ним.

Но киоск не работал.

Там в стекле была бумажка, а на ней надпись печатными буквами:

«Приду через 20».

Я прочел эту надпись вслух. Дядька, что был с колесом, сказал:

– Смотрите – читает!

И все посмотрели на меня. А я сказал:

– И всего-то шесть лет.

Они все засмеялись. Дедушка Валя, когда смеялся, показывал все свои зубы. Они у него интересные были: один вверху направо, а другой внизу налево. Дедушка долго хохотал. В это время в комнату заглянул какой-то толстый парень. Он сказал:

– Кто на Москву?

– Мы, – сказали все хором и заторопились. – На Москву – это мы!

– За мной, – сказал парень и пошел.

Все двинулись за ним. Мы прошли длинным коридором на другую сторону дома. Там была открытая дверь. Сквозь нее было видно синее небо. Перед выходом стояли два бога-

тыря – дядьки здоровенные, прямо как борцы в цирке. У одного была черная борода, а у другого рыжая. Возле них стояли весы. Когда пришла наша очередь, дедушка Валя крикнул и вскинул тяжелый чемодан на прилавок. Чемодан взвесили, и мама сказала:

– Далеко до самолета?

– Метров четыреста, – сказал Рыжий Богатырь.

– А то и все пятьсот, – сказал Черный.

– Помогите, пожалуйста, донести чемодан, – сказала мама.

– У нас самообслуживание, – сказал Рыжий.

Дедушка Валя подмигнул маме, закашлялся, взял чемодан, и мы вышли в открытую дверь. Вдалеке стоял какой-то самолетик, похожий на стрекозу, только на журавлиных ногах. Впереди шли все наши знакомые: Колесо, Мешок с поросенком, Розовые Рубашонки, Гусеничка. И скоро мы пришли к самолету. Вблизи он показался еще меньше, чем издали. Все стали в него карабкаться, а мама сказала:

– Ну и ну! Это что – дедушка русской авиации?

– Это всего-навсего внутриобластная авиация, – сказал наш дед Валя. – Конечно, не «ТУ-104»! Ничего не поделаешь. А все-таки летает! Аэрофлот.

– Да? – спросила мама. – Летает? Это мило! Он все-таки летает? Ох, напрасно мы не поехали поездом! Что-то я не доверяю этому птеродактилю. Какие-то средние века...

– Не лайнер, конечно! – сказал дедушка Валя. – Не стану

врать. Не лайнер, упаси Господь! Куда там!

И он стал прощаться с мамой, а потом со мной. Он несильно кольнул меня своей голубой бородой в щеку, и мне было приятно, что он пахнет махорочкой, и потом мы с мамой полезли в самолет. Внутри самолета, вдоль стен, стояли две длинные скамейки. И летчика было видно, у него не было отдельной кабины, а была только легкая дверца, она была раскрыта, и он помахал мне рукой, когда я вошел в самолет.

У меня сразу от этого стало лучше настроение, и я уселся и устроился довольно удобно – ноги на чемодан.

Пассажиры сидели друг против друга. Напротив меня сидели Розовые Рубашонки. Летчик то включал, то выключал мотор.

И по всему было видно, что мы вот-вот взлетим. Я даже стал держаться за скамейку, но в это время к самолету подъехал грузовик, заваленный какими-то железными чушками. Из грузовика выскочили два человека. Они что-то крикнули летчику. Откинули у своей машины борт, подъехали к самым дверям нашего лайнера и стали грузить свои железные чушки и болванки прямо в самолет. Когда грузчик бухнул свою первую железку где-то в хвосте самолета, летчик оглянулся и сказал:

– Потише там швыряйте. Пол проломить захотели?

Но грузчик сказал:

– Не бойсь!

Тут его товарищ принес следующую чушку и опять:

«Бряк!»

А первый приволок новую:

«Шварк!»

А тот еще одну:

«Буц!»

Потом еще:

«Дзынь!»

Летчик говорит:

– Эй вы там! Вы всё в хвост не валите. А то я перекинусь в воздухе. Задний кувырок через хвост – и будь здоров.

Грузчик сказал:

– Не бойсь!

И снова:

«Бамс!»

«Глянц!»

Летчик говорит:

– Много там еще?

– Тонны полторы, – ответил грузчик.

Тут наш летчик прямо вскипел и схватился за голову.

– Вы что? – закричал он. – Ошалели, что ли! Вы понимаете, что я не взлечу? А?!

А грузчик опять:

– Не бойсь!

И снова:

«Брумс!»

«Брамс!»

От этих дел в нашем самолете образовалась какая-то жуткая тишина.

Мама была совершенно белая, а у меня щекотало в животе.

А тут:

«Брамс!»

Летчик скинул с себя фуражку и закричал:

– Я вам последний раз говорю – перестаньте таскать! У меня мотор барахлит! Вот, послушайте!

И он включил мотор. Мы услышали сначала ровное: трррррррррррр... А потом ни с того ни с сего: чав-чав-чав-чав...

И сейчас же: хлюп-хлюп-хлюп...

И вдруг: сюп-сюп-сюп... Пии-пии! Пии...

Летчик говорит:

– Ну? Можно при таком моторе перегружать машину?

Грузчик отвечает:

– Не бойсь! Это мы по приказу Сергачева грузим. Сергачев приказал, мы и грузим.

Тут наш летчик немножко скис и примолк. Мама стала желтая, а старушкин поросенок вдруг завизжал, как будто понял, что здесь шутки плохи. А грузчики свое:

«Трух!»

«Трах!»

Но летчик все-таки взбунтовался:

– Вы мне устраиваете вынужденную посадку! Я прошлое

лето тоже вот так десять километров не дотянул до Кошкина. И сел в чистом поле! Хорошо это, по-вашему, пассажиров пешком гонять по десять верст?

– Не подымай паники! – сказал грузчик. – Сойдет!

– Я лучше свою машину знаю, сойдет или нет! – крикнул летчик. – Интересно мне, по-твоему, полную машину людей гробить? Сергачева за них не посадят, нет. А меня посадят!

– Не посадят, – сказал грузчик. – А посадят – передачу принесу.

И как ни в чем не бывало:

«Ббрынзь!»

Тут мама встала и сказала:

– Товарищ водитель! Скажите, пожалуйста, есть у меня до отлета минут пять?

– Идите, – сказал летчик, – только проворнее... А чемодан зачем берете?

– Я переоденусь, – сказала мама храбро, – а то мне жарко. Я задыхаюсь от жары.

– Быстренько, – сказал летчик.

Мама схватила меня под мышки и поволокла к двери. Там меня подхватил грузчик и поставил на землю. Мама выско-чила следом. Грузчик протянул ей чемодан. И хотя наша ма-ма всегда была очень слабая, но тут она подхватила наш тя-желенный чемоданище на плечо и помчалась прочь от само-лета. Она держала курс на аэровокзал. Я бежал за ней. На крыльце стоял дедушка Валя. Он только всплеснул руками,

когда увидел нас. И он, наверно, сразу все понял, потому что ни о чем не спросил маму. Все вместе мы, как будто сговорились, молча пробежали сквозь этот нескладный дом на другую сторону, к лошади. Мы вскочили в телегу и собрались ехать, но, когда я обернулся, я увидел, что от аэропорта по пыльной дорожке, по жухлой траве к нам бегут, спотыкаясь и протягивая руки, обе Розовые Рубашонки. За ними бежала их мама с маленькой, туго запеленатой Гусеничкой. Она прижимала ее к сердцу. Мы их всех погрузили к себе. Дедушка Валя дернул вожжи, лошадь тронула, и я откинулся на спину. Повсюду было синее небо, тележка скрипела, и ах как вкусно пахло полем, дегтем и махорочкой.

Двадцать лет под кроватью

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут еще папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло и собралось много народу, пришла Аленка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Аленка вдруг сказала:

– А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой все время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Аленке, – а сами все время прятались и вообще водили малышкой за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы все время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплескиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсемениной шубой и сам влез в ва-

ленки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Аленка – за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка, не долго думая, полез под шубу Марьи Семеновны, где я все время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил мое место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

– Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в нее.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а еще стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане сто-

яло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей – очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлепанцы и все время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдет.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдет и будет меня искать. Но в это время в комнату вошел никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я все время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я еще для смеху возьму какую-нибудь ее туфлю в зубы, она тогда наверняка упадет от смеха. Я был уверен, что вот еще секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам все время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я все время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула ее. А потом, гляжу, повернула ключик – и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я

подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отопрет дверь, и все пойдет как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и все продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел ее ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрет замок, но не тут-то было. Можете себе представить, она – чик! – и погасила свет. И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придет с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдет? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдет в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из ее буфета, и, когда она придет, придется мне

лезть под кровать, потому что я съел ее продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чем вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моем жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста – тахта из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

– Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там „караул“? Спите дальше, это я, Дениска!» Я все это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да еще с хвостиком:

– Апчхи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное,

здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

– Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

– Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала еще тише и слабей:

– Грабят!..

И видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

– Режут!

Вот какое вранье! Кто ее режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она все равно не спит, мне надо вылезать.

И все подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

– Грабаул! Караулят!

А я выскочил, и по стене шарю, где тут выключатель, и нашел вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою,

и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую дверь!

– Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришел!

И папин голос:

– Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

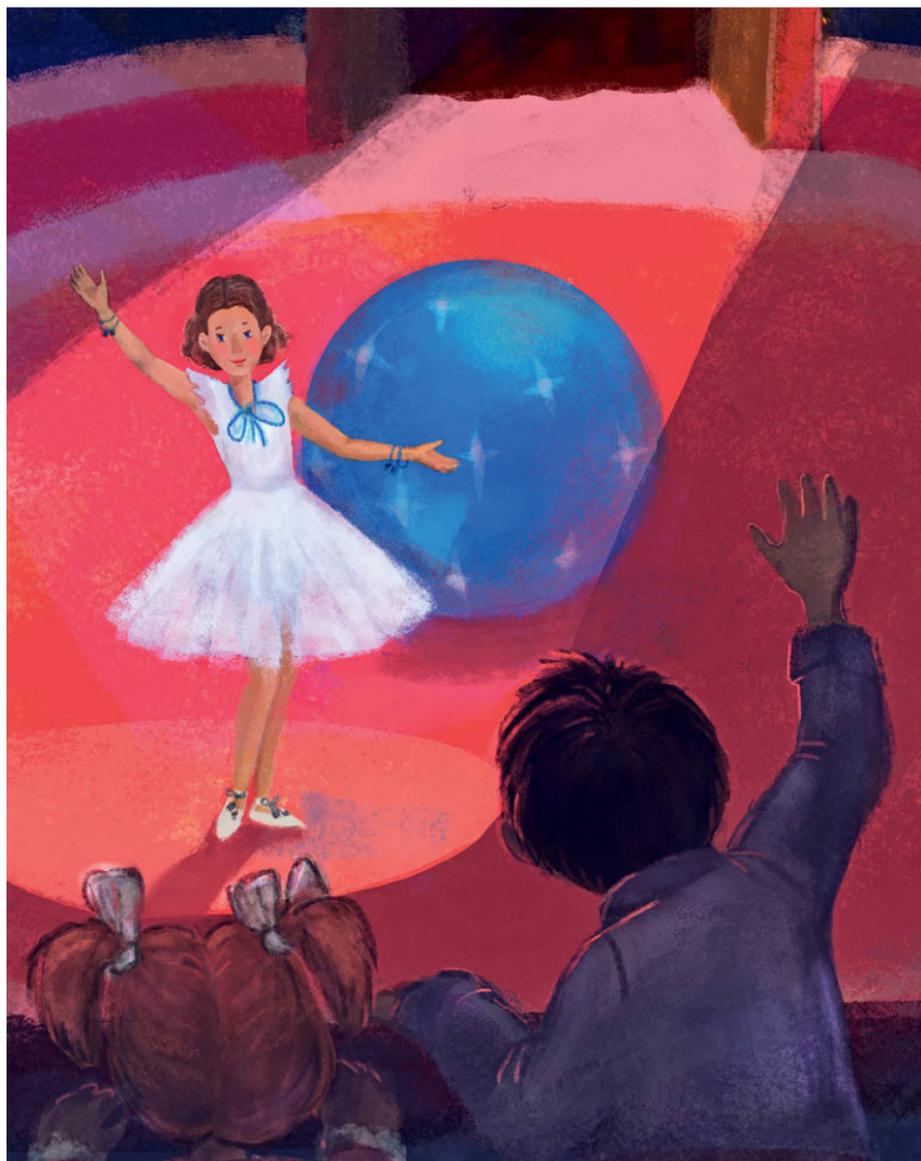
– Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

– Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Девочка на шаре

Один раз мы всем классом пошли в цирк. Я очень радовался, когда шел туда, потому что мне уже скоро восемь лет, а я был в цирке только один раз, и то очень давно. Главное, Аленке всего только шесть лет, а вот она уже успела побывать в цирке целых три раза. Это очень обидно. И вот теперь мы всем классом пошли в цирк, и я думал, как хорошо, что уже большой и что сейчас, в этот раз, все увижу как следует. А в тот раз я был маленький, я не понимал, что такое цирк. В тот раз, когда на арену вышли акробаты и один полез на голову другому, я ужасно расхохотался, потому что думал, что это они так нарочно делают, для смеху, ведь дома я никогда не видел, чтобы взрослые дядьки карабкались друг на друга. И на улице тоже этого не случалось. Вот я и рассмеялся во весь голос. Я не понимал, что это артисты показывают свою ловкость. И еще в тот раз я все больше смотрел на оркестр, как они играют – кто на барабанах, кто на трубе, – и дирижер машет палочкой, и никто на него не смотрит, а все играют как хотят. Это мне очень понравилось, но пока я смотрел на этих музыкантов, в середине арены выступали артисты. И я их не видел и пропускал самое интересное. Конечно, я в тот раз еще совсем глупый был.

И вот мы пришли всем классом в цирк. Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковер, а потолок высокий, и там привязаны раз-

ные блестящие качели. И в это время заиграла музыка, и все кинулись рассаживаться, а потом закупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво – в красные костюмы с желтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошел их начальник в черном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист-жонглер, и началась потеха. Он кидал шарики, по десять или по сто штук вверх, и ловил их обратно. А потом схватил полосатый мяч и стал им играть... Он и головой его подшибал, и затылком, и лбом, и по спине катал, и каблучком наподдавал, и мяч катался по всему его телу как примагниченный. Это было очень красиво. И вдруг жонглер кинул этот мячик к нам в публику, и тут уж началась настоящая суматоха, потому что я поймал этот мяч и бросил его в Валерку, а Валерка – в Мишку, а Мишка вдруг нацелился и ни с того ни с сего засветил прямо в дирижера, но в него не попал, а попал в барабан! Бамм! Барабанщик рассердился и кинул мяч обратно жонглеру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тетеньке в прическу, и у нее получилась не прическа, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли.

И когда жонглер убежал за занавеску, мы долго не могли успокоиться. Но тут на арену выкатили огромный голубой шар, и дядька, который объявляет, вышел на середину и что-

то прокричал неразборчивым голосом. Понять нельзя было ничего, и оркестр опять заиграл что-то очень веселое, только не так быстро, как раньше.

И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У нее были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у нее были длинные руки; она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для нее выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела прыгнуть с него, но шар завертелся под ее ногами, и она на нем вот так, как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены. Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вез ее на себе: она могла ехать на нем и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать. И оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках. И это все было как в сказке. И тут еще потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок

умеет светиться в темноте, и она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела, и это было удивительно, – я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного.

И когда зажгли свет, все захлопали и завопили «браво», и я тоже кричал «браво». А девочка соскочила со своего шара и побежала вперед, к нам поближе, и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и еще, и еще раз, и все вперед и вперед. И мне показалось, что вот она сейчас разобьется о барьер, и я вдруг очень испугался, и вскочил на ноги, и хотел бежать к ней, чтобы подхватить ее и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. И все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами. И в эту минуту эта девочка посмотрела на меня, и я увидел, что она увидела, что я ее вижу и что я тоже вижу, что она видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. И я опять захотел подбежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала всем воздушный поцелуй и убежала за красную занавеску, куда убегали все артисты. И на арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я все время думал про девочку на шаре, какая она удивительная и как она помахала мне рукой и улыбнулась, и больше уже ни на что не хотел смотреть. Наоборот, я крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть этого глупого клоуна с его красным носом, потому что он мне портил мою девочку: она все еще мне представ-

лялась на своем голубом шаре.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить сидро, а я тихонько спустился вниз и подошел к занавеске, откуда выходили артисты.

Мне хотелось еще раз посмотреть на эту девочку, и я стоял у занавески и глядел – вдруг она выйдет? Но она не выходила.

А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель все время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядом и ходил по львам ногами, как по ковру, а у них был такой вид, что вот им не дают полежать спокойно. Это было неинтересно, потому что лев должен охотиться и гнаться за бизоном в бескрайних пампасах и оглашать окрестности грозным рычанием, приводящим в трепет туземное население. А так получается не лев, а просто я сам не знаю что.

И когда кончилось и мы пошли домой, я все время думал про девочку на шаре.

А вечером папа спросил:

– Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

– Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучше всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? Пойдем в следующее воскресенье в цирк! Я тебе ее

покажу!

Папа сказал:

– Обязательно пойдем. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

...И началась длиннющая неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и все равно каждый день думал, когда же придет воскресенье, и мы с папой пойдем в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу ее папе, и, может быть, папа пригласит ее к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах.

Но в воскресенье папа не смог идти. К нему пришли товарищи, они копались в каких-то чертежах, и кричали, и курили, и пили чай, и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова, а папа сказал мне:

– В следующее воскресенье... Даю клятву Верности и Чести.

И я так ждал следующего воскресенья, что даже не помню, как прожил еще одну неделю. И папа сдержал свое слово: он пошел со мной в цирк и купил билеты во второй ряд, и я радовался, что мы так близко сидим, и представление началось, и я начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но человек, который объявляет, все время объявлял разных других артистов, и они выходили и выступали по-всякому, но девочка все не появлялась. А я прямо дрожал от нетерпения, мне очень хотелось, чтобы папа увидел, какая

она необыкновенная в своем серебряном костюме с воздушным плащом и как она ловко бежит по голубому шару. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

– Сейчас он объявит ее!

Но он, как назло, объявлял кого-нибудь другого, и у меня даже ненависть к нему появилась, и я все время говорил папе:

– Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то!

А папа говорил, не глядя на меня:

– Не мешай, пожалуйста. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке, раз это ему интересно. Посмотрим, что он запоет, когда увидит девочку на шаре. Небось подскочит на своем стуле на два метра в высоту...

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

– Ант-пра-кт!

Я просто ушам своим не поверил! Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы! А где же моя девочка на шаре? Где она? Почему она не выступает? Может быть, она заболела? Может быть, она упала и у нее сотрясение мозга?

Я сказал:

– Папа, пойдем скорей, узнаем, где же девочка на шаре!

Папа ответил:

– Да, да! А где же твоя эквилибристка? Что-то не видать!

Пойдем-ка купим программку!..

Он был веселый и довольный. Он огляделся вокруг, засмеялся и сказал:

– Ах, люблю... Люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит...

И мы пошли в коридор. Там толклось много народу, и продавались конфеты и вафли, и на стенках висели фотографии разных тигриных морд, и мы побродили немного и нашли наконец контролершу с программками. Папа купил у нее одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролерши:

– Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

– Какая девочка?

Папа сказал:

– В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролерша сказала:

– Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Уехала. Что ж вы поздно хватились?

Я стоял и молчал.

Папа сказал:

– Мы уже две недели не знаем покоя. Хотим посмотреть эквилибристку Т. Воронцову, а ее нет.

Контролерша сказала:

– Да она уехала... Вместе с родителями... Родители у нее «Бронзовые люди – Два-Яворс». Может, слышали? Очень жаль. Вчера только уехали.

Я сказал:

– Вот видишь, папа...

– Я не знал, что она уедет. Как жалко... Ох ты боже мой!..

Ну что ж... Ничего не поделаешь...

Я спросил у контролерши:

– Это, значит, точно?

Она сказала:

– Точно.

Я сказал:

– А куда, неизвестно?

Она сказала:

– Во Владивосток.

Вон куда. Далеко. Владивосток. Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

Я сказал:

– Какая даль.

Контролерша вдруг заторопилась:

– Ну идите, идите на места, уже гасят свет!

Папа подхватил:

– Пошли, Дениска! Сейчас будут львы! Косматые, рычат – ужас! Бежим смотреть!

Я сказал:

– Пойдем домой, папа.

Он сказал:

– Вот так раз...

Контролерша засмеялась. Но мы подошли к гардеробу, и я протянул номер, и мы оделись и вышли из цирка. Мы пошли по бульвару и шли так довольно долго, потом я сказал:

– Владивосток – это на самом конце карты. Туда, если поездом, целый месяц проедешь...

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли еще немного, и я вдруг вспомнил про самолеты и сказал:

– А на «ТУ-104» за три часа – и там!

Но папа все равно не ответил. Он крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

– Зайдем в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

– Не хочется что-то, папа.

– Там подают воду, называется «Кахетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

– Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шел очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шел так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьезное и грустное лицо.

Расскажите мне про Сингапур

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тетя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

– Ого, Дениска-то как возмужал!

А тетя Мила сказала:

– Иди, Денёк, со мной рядом. – И спросила: – Это что за корзинка?

– Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тетя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошел босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошел босиком. И в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и еще чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тетя Мила сказала:

– Телячий восторг.

Когда мы пришли, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

– Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

– Дениска, – сказал он, – твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

– А почему я его не знаю?

Тетя Мила опять засмеялась.

– Потому что он живет на Севере, – сказала она, – и редко бывает в Москве.

Я спросил:

– А кто он такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

– Капитан дальнего плавания – вот он кто такой.

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька – капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так – про самое главное вспоминает совершенно случайно!

– Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя, капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тетя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тетя Мила смеется кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

– Я тебе говорил еще в позапрошлом году, когда он при-

ехал из Сингапура, но ты тогда был еще маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тетя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

– Вот здесь и ложись, – сказала тетя Мила. – Раздевайся!
А корзинку с пистолетами я поставлю в ногах.

Я сказал:

– А папа где будет спать?

Она сказала:

– Скорее всего, на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

– И нисколько.

Разделся и лег.

Тетя Мила сказала:

– Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улегся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но все время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растет прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая

или прямая? А кортик – именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они во время своих рейсов каждый день насакивают на айсберги, или встречаются огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадешь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», – погубить жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания – он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: «Син-га-пур»!.. Я обязательно попрошу дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал, и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу ее наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда еще не

боялся собак и теперь нечего трусить. Все-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:

– Тубо! Спать!

И собака сразу замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь, как у меня в голове все закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то екнуло. Но я все-таки закричал на нее:

– Тубо! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит еще пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, подбрееет и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я все-таки вытащил оттуда котлету и два яйца – мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять

зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

– Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в нее котлету. Было слышно, как котлета шлепнулась об нее, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

– Ну вот. А теперь – спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тетя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студеная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать ее черным хлебом, и солить, и славно мне было – так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

– А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули!

Тетя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

– Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил...

Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспал весь день.

Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелеными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нем не было. Он подошел к столу и сказал ужасным басом:

– Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

– Да, эти сто граммов веснушек – вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

– Здорово!

И протянул мне руку. Она была твердая, как доска.

Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижамы какая-то. Ну, а трубка где? Все равно уж – прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой...

– Как спал, Харитоша? – спросила тетя Мила.

– Плохо! – сказал капитан. – Не знаю, в чем дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А

я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берет свое, все-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в довершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты – яйца, что ли... По-моему, я во сне слышал запах котлет. И еще все мне сквозь сон слышались какие-то непонятные слова: не то «куш», не то «апорт»...

– «Тубо», – сказал я. – «Тубо», а не «апорт». Потому что я думал – там собака... Кто-то так рычал!

– Я не рычал. Я, наверно, храпел?

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

– Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

– Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах как будто песку насыпано, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

– Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я все-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

– Клянусь своим именовым кортиком.

Он сказал это таким веселым голосом, что у меня сразу

словно камень упал с души.

Я подошел к капитану и сказал:

– Дядя, расскажите мне про Сингапур.

Что я люблю

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе. Еще я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем ее кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пес.

Я люблю также смотреть телевизор: все равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люб-

лю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У нее веселые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Еще я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и царь-пушку. Все это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или еще что-нибудь.

Я люблю гостей.

Еще очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слоненок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слоненка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От нее колет в носу и слезы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Еще не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, накрошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме – я в нем как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и все! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я все равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда ребята задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок – мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

– Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!..

Что любит Мишка

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

– О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

– Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

– Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

– Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

– Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

– Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

– Му-зы-ка. Шопен – великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

– Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

– Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не обижайся, а смотри-ка – любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

– А я еще больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

– Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поерзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

– Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб,

и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но черствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А еще я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Вареную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, – на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копченую, и полукопченую, и сырокопченую! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой – все равно.

Люблю вареники с творогом, творог соленый, сладкий, кислый; люблю яблоки, тертые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску – кожуру!

Люблю печенку, котлеты, селедку, фасолевый суп, зеленый горошек, вареное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшенной кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду – ка-

кой дурак не любит халвы? А еще я люблю утятину, гусятину и индютину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвел глазами потолок и перевел дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

– Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждет, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка еще скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

– Что ж, Миша, – сказал он, – ты многое любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

– Ой, – сказал он смущенно, – чуть не забыл! Еще – котят! И бабушку!

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?... Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!

Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и

ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть все до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлепал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро

подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошел к окну, и поглядел вниз. – А еще интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

– Ах не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший!

И к нам вошел какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошел, сразу стал

заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжет... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на нее взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Профессор кислых щей

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне

всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке.

Я сказал:

– Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

– Не мешай...

– Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

– Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

– Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул. Я сказал:

– Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова Крит. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

– Помолчи хоть немного... Хоть пять минут...

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому

я ничего не мог с собой поделывать.

Я сказал:

– Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

– Ну да? – сказал папа. – Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

– Читай, читай, – сказал я, – читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов!.. Ура?

– Ура, – сказал папа. – Замолчишь, нет?

– А солнце стоит не в центре неба, – сказал я, – а сбоку!

– Не может быть, – сказал папа.

– Даю слово, – сказал я, – оно стоит сбоку! Сбоку припека.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

– Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

– Он современный ребенок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

– Удивительно, – сказал папа, – как это быстро все получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

– Чем это ты так зачитался?

– Африка, – сказал папа. – Кипит! Конец колониализму!

– Еще не конец! – сказал я.

– Что? – спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

– Есть еще зависимые страны, – сказал я. – Много еще есть зависимых.

Он сказал:

– Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

– Ну ладно, Дениска, иди погуляй. – Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: – Иди, иди!

Я пошел и спросил у мамы в коридоре:

– А что такое, мама, профессор кислых щей? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал – кислых щей? Это обидное?

Но мама сказала:

– Что ты, это нисколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошел гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Аленку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошел к Аленке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Аленкиной мамой. А сама Аленка лежала на диване и приклеивала лошади ногу.

Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала:

– Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал:

– Здравствуйте! Чего орешь, как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

– Значит, все ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!

И я сразу понял, что это доктор.

Аленкина мама сказала:

– Большое спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он все знал, и его называли за это «профессор».

Он подошел к Аленке и сказал:

– До свидания, Аленка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

– До свидания...

Он погладил ее по голове и повернулся ко мне:

– А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня назвал!

– Я Денис Кораблев! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шелковая. И от него от всего так вкусно пахло чистотой. И он потряс мне руку и сказал:

– А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор. Я сказал:

– Кислых щей? Профессор кислых щей?

Аленкина мама всплеснула руками. А профессор покраснел и закашлял. И они оба вышли из комнаты.

И мне показалось, что они как-то не так вышли. Как будто даже выбежали. И еще мне показалось, что я что-то не так сказал. Прямо не знаю.

А может быть, «кислых щей» – это все-таки обидное, а?

Главные реки

Хотя мне уже идет девятый год, я только вчера догадался, что уроки все-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос все-таки не залетел, потому что у него был чересчур легкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса еще было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всем на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарные – у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я пол-лета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издалека, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пять шагов, обошел Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у нее секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чем не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и еще на ходу сказала:

– Кораблев, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить:

– Кораблев! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошел к доске.

Раиса Ивановна сказала:

– Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал, что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла, что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завел:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь:
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

– Это Пушкин, – сказала Раиса Ивановна.

– Да, – сказал я, – это Пушкин. Александр Сергеевич.

– А я что задала? – сказала она.

– Да! – сказал я.

– Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблев!

– Что? – сказал я.

– Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

– Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

– Слонов! Не смей подсказывать!

– Да! – сказал я. – Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

– Ну? – сказала она.

– Что? – сказал я.

– Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

– Читай. Наизусть!

– Что? – сказал я.

– Стихи, конечно! – сказала она.

– Ага, понял. Стихи, значит, читать? – сказал я. – Это можно. – И громко начал: – Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

– Ну! – сказала Раиса Ивановна.

– Что? – сказал я.

– Читай сейчас же! – закричала бедная Раиса Ивановна. – Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое

слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперед и продекламировал:

– Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку еще внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щелкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

– С ноготком!

И повторил всё вместе:

– Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. Раиса Ивановна сказала:

– Довольно, Кораблев!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись. – Потом она добавила: – Ну, а как насчет кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он неладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всем признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

– Конечно, выучил. А как же!

– Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвел чтением стихов Некрасова. Назови мне самую

большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже наверняка я умру. До свидания, все! И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалевано чернилами, толсто намалевано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочел первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

– Ну, Кораблев? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

– Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слез, но двойку она мне вlepила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

Шляпа гроссмейстера

В то утро я быстро справился с уроками, потому что они были нетрудные. Во-первых, я нарисовал домик Бабы Яги, как она сидит у окошка и читает газету. А во-вторых, я сочинил предложение: «Мы построили салаш». А больше ничего не было задано. И я надел пальто, взял горбушечку свежего хлеба и пошел гулять. На нашем бульваре в середине есть пруд, а в пруду плавают лебеди, гуси и утки.

В этот день был очень сильный ветер. И все листья на деревьях выворачивались наизнанку, и пруд был весь взлохмаченный, какой-то шершавый от ветра.

И как только я пришел на бульвар, я увидел, что сегодня почти никого нет, только двое каких-то незнакомых ребят бегают по дорожке, а на скамейке сидит дяденька и сам с собой играет в шахматы. Он сидит на скамейке боком, а позади него лежит его шляпа.

И в это время ветер вдруг задул особенно сильно, и эта самая дяденькина шляпа взвилась в воздух. А шахматист ничего не заметил, сидит себе, уткнулся в свои шахматы. Он, наверно, очень увлекся и забыл про все на свете. Я тоже, когда играю с папой в шахматы, ничего вокруг себя не вижу, потому что очень хочется выиграть. И вот эта шляпа взлетела, и плавно так начала опускаться, и опустилась как раз перед теми незнакомыми ребятами, что играли на дорожке. Они оба разом протянули к ней руки. Но не тут-то было, потому что ветер! Шляпа вдруг как живая подпрыгнула вверх,

перелетела через этих ребят и красиво спланировала прямо в пруд! Но упала она не в воду, а нахлобучилась одному лебедю прямо на голову. Утки очень испугались, и гуси тоже. Они бросились врассыпную от шляпы кто куда. А вот лебеди, наоборот, очень заинтересовались, что это за штука такая получилась, и все подплыли к этому лебедю в шляпе. А он изо всех сил мотал головой, чтобы сбросить шляпу, но она никак не слетала, и все лебеди глядели на эти чудеса и, наверно, очень удивлялись.

Тогда эти незнакомые ребята на берегу стали приманивать лебедей к себе. Они свистели:

– Фью-фью-фью!

Как будто лебедь – это собака!

Я сказал:

– Сейчас я их приманю хлебом, а вы притащите сюда какую-нибудь палку подлиннее. Надо все-таки отдать шляпу тому шахматисту. Может быть, он гроссмейстер...

И я вытащил свой хлеб из кармана и стал его крошить и бросать в воду, и, сколько было лебедей, и гусей, и уток, все поплыли ко мне. И у самого берега началась настоящая давка и толкотня. Просто птичий базар! И лебедь в шляпе тоже толкался и наклонял голову за хлебом, и шляпа с него, наконец, соскочила!

Она стала плавать довольно близко. Тут подоспели незнакомые ребята. Они где-то раздобыли здоровенный шест, а на конце шеста был гвоздь. И ребята сразу стали удить эту шля-

пу. Но немножко не доставали. Тогда они взялись за руки, и у них получилась цепочка, и тот, который был с шестом, стал поддавливать шляпу.

Я ему говорю:

– Ты старайся ее гвоздем в самую серединку проткнуть! И подсекай, как ерша, знаешь?

А он говорит:

– Я, пожалуй, сейчас бухнусь в пруд, потому что меня сла-
бо держат.

А я говорю:

– Давай-ка я!

– Валяй! А то я обязательно бухнусь!

– Держите меня оба за хлястик!

Они стали меня держать. А я взял шест двумя руками, весь вытянулся вперед, да как размахнулся, да как шлепнусь прямо лицом вперед! Хорошо еще, не сильно ушибся, там была мягкая грязь, так что получилось не больно.

Я говорю:

– Что же вы плохо держите? Не умеете держать, не беритесь!

Они говорят:

– Нет, мы хорошо держим! Это твой хлястик оторвался.
Вместе с мясом.

Я говорю:

– Кладите мне его в карман, а сами держите просто за пальто, за хвост. Пальто небось не порвется! Ну!

И опять потянулся шестом к шляпе. Я подождал немного, чтобы ветерок подогнал ее поближе. И все время потихоньку пригребал ее к себе. Мне очень хотелось отдать ее шахматисту. А вдруг он и вправду гроссмейстер? А может быть, это даже сам Ботвинник! Просто так вышел погулять, и все. Ведь бывают же такие истории в жизни! Я отдам ему шляпу, а он скажет: «Спасибо, Денис!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.